

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА „КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ—
ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ“.

№ 2 (14)

Декабрь.

1928

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

1. А. Марков. Кризис сельского хозяйства в Сов. России.
2. С. Маслов. Способы борьбы.
3. В. Татаринев. Германия и сов. правительство.
4. Ив. Бгоров. Десять лет чехословацкой деревни. (К десятилетию самостоятельности Чехословацкой Республики.)
В России:
5. Голоса с середины:
 - 1) О программе «Крестьянской России», 2) Натиск на интеллигенцию, 3) Аресты в Академии Наук, 4) С русско-польской границы, 5) Расстрел за разговоры, 6) В воздухе пахнет грозой.
- 6) Из крестьянских писем:
 - 1) В деревнях России, 2) Из писем крестьянина-эмигранта 1928 г.**Из печати:**
- 7) А. А. А. «Критика» С. И. Гессена.
Из жизни организации „Крестьян. Россия“.
- 8) Фонд свободной печати для России при «Крестьянской России».
- 9) Представительство «Крестьянской России» за границей.
- 10) Н. А. Некролог Л. П. Зацкого.
- 11) От Центрального Бюро Республикано-Демократического Союза.

Кризис сельского хозяйства в Советской России.

Еще задолго до того времени, когда русское сельское хозяйство в годы новой экономической политики стало понемногу подниматься, в Москве уже подсчитали, какое количество излишков хлеба можно будет вывозить за границу. Вывоз хлеба из России мыслился не иначе, как в количествах прогрессивно возрастающих. Восстановление сельского хозяйства мыслилось, как непрерывное и не только, как непрерывное, но это восстановление мыслилось, как все более и более убыстряющееся.

Бесчисленное количество статистических данных, море статей о том, что сельское хозяйство уже доходит до довоенных размеров, в свое время произвели впечатление даже на явных врагов «диктатуры пролетариата». Еще несколько лет тому назад им казалось, что хлеб из России вывозился не только от нужды, но и от его действительных избытков.

Все эти иллюзии и надежды теперь опали. Веровавшие раньше в советскую статистику, ныне уже ей не верят. Те же, которые скептически относились к данным о восстановлении сельского хозяйства в России, теперь имеют возможность убедиться в том, что это недоверие имело полное основание.

Да, было величайшей ошибкой думать, что сельское хозяйство в России уже дошло до утерянтого уровня. Этого никогда

не было! Некоторых простодушных людей путали данные о посевной площади. Она изображалась и изображается, как «чуть-чуть» не дошедшая до довоенного уровня, отстающая всего на каких нибудь 2—3%... Стоит ли с этим считаться? Большевики сознательно не углубляли этот вопрос, сознательно вводили в заблуждение других, и можно быть уверенным в том, что в собственной лжи запутались и сами.

Прежде всего, конечно, сами по себе цифры о посевной площади не говорят о действительном положении сельского хозяйства и о его способности покрывать продовольственные потребности страны. Посевная площадь для 1926—27 года считалась равной 96,7% посевной площади 1913 года. Она приближалась, таким образом, к довоенному уровню. Но одно приближение к довоенному уровню далеко не говорило о благополучии. Чтобы сельское хозяйство было бы способным выполнять его хозяйственные задачи в стране, оно должно было развиваться по меньшей мере так, как оно развивалось еще до войны. По данным, относящимся к 1901—13 гг., ежегодный прирост посевной площади равнялся 1,49 процентам. Это и давало возможность сельскому хозяйству идти в соответствии с ростом потребностей. Минимальной задачей русского сельского хозяйства после войны являлось не только достижение довоенного уровня, но дости-

жение такого положения, при котором посевная площадь и валовые сборы хлебов пришли бы в необходимое соответствие с увеличившимися потребностями. Вот именно такой уровень можно было считать сколько либо нормальным, достижение такого положения давало бы основание утверждать, что сельское хозяйство находится в тех условиях, в которых оно находилось перед войною. Тот же подход к оценке положения сельского хозяйства, который применялся, вводил лишь в заблуждение.

По советским данным в 1926 году на территории современной России проживало приблизительно на 7% душ больше, чем их было до войны. Следовательно, в 1926 году посевная площадь должна быть выше посевной площади 1913 г. приблизительно на столько же процентов*).

Конечно, можно думать, что продовольственные потребности страны удовлетворялись бы более или менее нормально и при меньшем возрастании посевной площади — за счет сокращения экспорта хлеба. Но сокращение и отказ от экспорта хлеба являются уже фактором неблагоприятным для развития народного хозяйства; это говорило бы о том, что обычные свои хозяйственные задачи сельское хозяйство не выполняет.

Однако, для оценки действительного положения сельского хозяйства только что указанных соображений далеко недостаточно.

Необходимо иметь в виду не только общее положение посевной площади, но и состояние ее в разных районах. До войны продовольственное значение разных районов было далеко неодинаковым. В отношении накопления хлебных избытков, необходимых для внутреннего потребления и для вывоза, все большее и большее значение приобретали окраины, а число губерний с недостатком хлеба все более и более возрастало. Если в восьмидесятых годах число таких губерний было до 14-ти, то в предвоенные годы этот недостаток ощущался уже в 20 губерниях.

*) Если бы в течении периода с 1913 по 1926 год посевная площадь росла бы также, как она росла в последние годы перед войною, то она должна была бы увеличиться на 19,3%. Население за это время возросло бы приблизительно на 19,5%. Раньше было некоторое соответствие в росте посевной площади и в увеличении населения. Исходя из этого, мы и считаем, что для достижения уровня, который можно считать равновесным довоенному, надо было бы, чтобы посевная площадь возросла бы на 7% в соответствии с фактическим приростом населения.

Необходимо дальше иметь в виду, что в ряде черноземных губерний еще задолго до войны посевная площадь дошла до своих максимальных пределов (т. е. до максимального использования годных для сельскохозяйственной деятельности земель) и стала уже падать (губернии: Черниговская, Курская, Орловская, Рязанская). Это еще более увеличивало значение новых с.-х. районов России. И действительно, там посевная площадь до войны возрасла наиболее сильно. Ежегодный прирост посевной площади равнялся: для Сев. Кавказа — 3,27%, для Сибири — 5,4%, для Казакстана — 10,1%. Там создавались товарные излишки хлеба, в этих новых районах экстенсивного земледелия с большими запашками, с крупными хозяйствами, снабженными достаточным количеством рабочего скота и сельско-хоз. машинами.

Советские планирующие органы это учитывали и, планируя увеличение посевной площади на будущее, они и надеялись на особенно сильный прирост посевной площади в новых районах, в тех, где этот прирост был в особенности значительным прежде.

Однако, восстановление посевной площади и ее нарастание не пошло путями, которые намечались. Прежде всего, темп увеличения посевной площади обнаружил тенденцию к ослаблению. Если в 1924 году прирост посевной площади определялся в 11%, то в последующие годы он уменьшился, а в предшествующем году он был уже ниже прироста населения. Но это восстановление посевной площади шло далеко неравномерно в разных районах и оно оказалось наиболее слабым как раз в районах, которые выполняли до войны все более и более возрастающую роль в снабжении хлебом внутреннего рынка. По данным, относящимся к 1924 г., в то время, как потребляющий район восстановил свою посевную площадь до довоенного уровня (по количеству десятин) и даже ее превысил, на юго-востоке посевная площадь считалась равной 73,7% по отношению к 1913 г., в Степных областях — 54,4%, в Сибири — 90,7%.

Совершенно понятно, почему в особенности стесняла посевная площадь в районах наиболее экстенсивного земледелия. Здесь были наиболее крупные хозяйства, пользовавшиеся обычно наемным трудом, снабженные значительным количеством рабочего скота. Это были хозяйства менее всего политически приемлемые и терпимые для коммунистической пар-

тии. «Классовая» политика ударила по этим хозяйствам наиболее сильно, они пострадали более, чем карликовые хозяйства нечерноземной полосы и мелкие хозяйства старых черноземных районов. И в результате они лишились способности выполнять ту роль, которую выполняли раньше. Теперь эта роль, в виду прироста населения, в виду большей заселенности старых районов России, должна бы быть более значительной, чем было до войны. В действительности она уменьшилась. Это и является одной из причин возрастающих проловольственных затруднений. Их можно было предвидеть, и русские экономисты, живущие в условиях свободной печати, их предвидели и писали об этом задолго до того, как в Москве признали наличность продовольственных трудностей. Это не было каким то особым предвидением. Это было результатом объективной оценки складывающегося положения дел.

Кончившийся хозяйственный год оказался для России определенно переломным. Сельское хозяйство пошло вниз. Не успев достигнуть довоенного уровня, оно потеряло и часть того, что с таким трудом было достигнуто в годы «нэпа».

Сначала советская статистика всех уверяла, что посевная площадь в этом году значительно возросла. Летом этого года на этот счет сообщались самые фантастические данные. Один раз «Экономическая Жизнь» до того зарвалась, что сообщила, что в этом году «в конечном счете» все поле оценивается выше прошлогоднего больше чем на 11% (от 17 июня). От 9-го сентября в той же газете мы прочитали другое сообщение, а именно, что посевная площадь под зерновыми хлебами несколько сократилась, но валовой сбор выше прошлогоднего на 13,9%... Дальше пошла полная статистическая вакханалия. В «Экономической жизни» от 3 окт. мы прочитали, что посевная площадь сократилась на 3%. В той же газете от 5 окт. некто Кауфман, спец по внешней торговле, признал, что посевная площадь на 1,8% возросла, но что валовой сбор в этом году ниже прошлогоднего. Впрочем, этот же «спец» в той же статье утверждал и другое, а именно, что валовой сбор в этом году выше прошлогоднего...

Профессор Первушин на страницах «Экономического Обозрения» пришел к выводу, что площадь зерновых посевов в этом году сократилась на 9—10%... В этом плане, в этих противоречиях разобраться пока нет возможности. Но несомненно

верно одно, верно то, что русское сельское хозяйство вместо необходимейшего хода вперед, пошло назад, и это усилило продовольственные затруднения, которые намечались и раньше.

Какие пути, какие условия необходимы для того, чтобы сельское хозяйство пошло бы по пути восстановления?

Если мы обратимся к старым районам России, то здесь в виду значительной распаханности земель (в значительном количестве районов увеличение удобных земель требует значительных затрат), сельское хозяйство должно идти по пути увеличения урожайности. Что для этого необходимо?

Не так давно со страниц казенных газет не сходили статьи по вопросу об увеличении урожайности. Сколько лицемерия было в этих статьях, недоговоренности, скрывания подлинной правды и сколько было в то же время совершенно бесспорных вещей! Совершенно очевидно и бесспорно, что сельское хозяйство большинства старых районов России должно вступить более решительно на путь интенсификации. Как? Введением большего количества удобрения — навозного и искусственного. Для увеличения навозного удобрения, необходимо увеличение скота. Но в увеличении скота, как свидетельствуют о том статистические данные, наблюдается ослабление темпа, а налоговая практика этого года приволит к тому, что скот местами режут. Чтобы сельское хозяйство большинства старых районов России могло бы пойти по пути интенсификации, необходимо не достижение довоенного уровня по числу скота, а его прогрессивное возрастание. Только при этом условии можно добиться увеличения урожайности, некоторого соответствия валовых сборов с растущими потребностями населения.

Но как крестьянство может увеличивать количество скота, если наличность трех голов скота дает основание к причислению крестьянина к кулакам? Как увеличивать количество скота, если он сделан самостоятельным субъектом обложения? Совершенно понятно, что классовая политика, налоговая политика стоят непреодолимым препятствием для выполнения крестьянством насущнейших задач по преобразованию сельского хозяйства.

Что касается снабжения крестьянства искусственным удобрением, то в этом отношении слишком надо долго ждать, чтобы казенная промышленность могла бы дать нужное количество удобрения и по выгод-

ным ценам. В данное время искусственного удобрения производится настолько мало, что говорить о его роли в сельском хозяйстве сколько-либо серьезно вообще не приходится.

Как может происходить восстановление сельского хозяйства, восстановление посевной площади и ее расширение в новых районах, в районах исключительно экстенсивного хозяйства? Здесь тоже прежде всего необходимо увеличение количества рабочего скота. Но именно в этих районах рабочего скота недостаточно. Так на юго-востоке количество скота считается равным двум третям по сравнению с 1916 г.

Эти районы сильно нуждаются также в сельско-хозяйственных машинах. Казенная печать всегда указывает на то, что производство машин в настоящее время превзошло довоенный уровень. Верно ли это? В этом отношении есть серьезные основания для сомнения. Прежде всего, если производство сельск.-хоз. машин для последнего года определяется на сумму в 98,3 милл. руб., то спрашивается — каких рублей — червонных или золотых? Если имеются в виду червонные рубли, то в таком случае стоимость продукции не будет выше 40—45 милл. руб. золотом. А до войны внутри страны производилось машин на сумму в 67 милл. руб. Кроме того ввоз сельск.-хоз. машин из-за границы почти равнялся по сумме внутреннему производству (в 1912 г. было ввезено машин на сумму в 60 милл. зол. руб.). Таким образом, если в настоящее время (предположим) машин производится больше, то их почти не ввозят из-за границы. Общее их количество, которое предается населению, меньше, чем было до войны. Между тем сельское хозяйство в течении ряда лет износило старые машины, образовался в этом отношении огромный пробел, который, разумеется, далеко не заполнен. Этим и объясняется, почему, например, на Сев. Кавказе число сельско-хоз. машин считается равным 49% довоенного количества.

Но дело не только в этом, а дело и в том, что казенное производство с.-х. машин, очевидно, не соответствует необходимым требованиям. По недавно опубликованным данным для 1927—28 гг. «ликвидный» остаток сельско-хозяйственных машин определяется на сумму в 47 милл. руб. Что кроется под этим «ликвидным» остатком? О чем он говорит? Он говорит о том, что, очевидно, и качество машин и условия их сбыта таковы, что сельское население, нуждающееся в машинах, при-

нуждено сидеть без них. Машины лежат в огромных количествах на складах; крестьяне мучаются без машин, а... на бумаге все обстоит чрезвычайно хорошо.

Какие условия нужно в стране создать, чтобы сельское хозяйство могло бы встать на путь восстановления и дальнейшего развития?

Прежде всего необходимо установление полной хозяйственной свободы для крестьянства. Пока этого нет, крестьянство по необходимости будет склонно вести продовольственное хозяйство, по возможности не выходя из пределов потребностей своей семьи. Такое хозяйство не в состоянии дать необходимое количество хлеба на сторону.

Необходим совершенный и полный отказ от классовой политики в деревне, от удушения крестьянства сколько-либо поднимавшегося над общим нищенским уровнем. Крестьянство должно быть равноправным и хозяйственно и политически.

Для развития сельского хозяйства необходимо отказаться от грубейшей системы обложения сельского хозяйства сельск.-хоз. налогом.

Чрезвычайно высокие ставки налога для чуть-чуть поднявшихся над общим уровнем хозяйств убивают всякое желание к увеличению хозяйства. Наряду с этим необходимо отказаться не на словах, как это делается теперь, а на деле от принудительного распределения займов, от принудительного «самообложения».

Государственные средства, которые направляются на совхозы и сельск.-хоз. коммуны, должны идти на содействие крестьянскому хозяйству без всякого «классового» подхода к этому делу.

Крестьянство должно получить право свободного стчуждения сельск.-хоз. продуктов на вольном рынке. Чтобы эта свобода была бы не призрачной, а действительной, необходимо предоставление всем права беспрепятственно пользоваться для перевозки сельск.-хоз. грузов железными дорогами и водными путями.

Необходим полный отказ от принудительной покупки хлеба у крестьян казенных хлебозаготовителей по казенным ценам. Такие хлебозаготовки являются принуждением, которое в настоящее время практикуется в самых различных формах (отказ от продажи промышленных товаров, отказ в кредите, угрозы и т. д.). Хлеб должен продаваться по вольным ценам. Сейчас в России не война, нет надобности принимать какие-то экстраординарные меры.

Все такого рода меры ведут лишь к развитию спекуляции. Благодаря тому, что власть отбирает хлеб за бесценок, крестьянство принуждено для покрытия убытков продавать хлеб втридорога вольным покупателям.

Сельское хозяйство должно быть равноправным по своему положению с другими отраслями народного хозяйства. Оно не должно служить источником для индустриализации страны. Сельское хозяйство само нуждается в государственном содействии.

Сельскому хозяйству должен быть открыт доступ на заграничные рынки для покупки необходимых товаров и для продажи с.-х. продуктов, если будут действительные их излишки. Теперешний вывоз сельск.-хоз. продуктов есть сплошное надувательство крестьянства. Большевики покупают хлеб и другие продукты сельского хозяйства на червонцы, потерявшие цену, выручают на внешних рынках иностранную валюту. Между покупной-казенной ценой и продажной ценой на иностранную валюту получается огромная разница. Но эта разница не поступает крестьянству. Она идет в распоряжение партии. Таким образом, теперешняя организация внешней торговли не дает возможности крестьянству использовать благоприятное положение рынка и цен на с.-хоз. продукты. У крестьянина поэтому не появляется интереса произвести продукты для вывоза на внешний рынок.

Сельское хозяйство должно получать необходимое количество промышленных товаров нормального качества и по нормальным ценам. Казенная промышленность дать таких товаров не в состоянии, не может продавать их по нормальным ценам. Следовательно, должна быть разрешена частная промышленность и свободная торговля для всех.

Вот главные условия, без установления которых нельзя ждать восстановления и развития сельского хозяйства. Если этих условий не будет, то Россия не выберется из продовольственных и других затруднений.

Могут ли большевики создать такие условия для сельского хозяйства? Нет, не могут, не могут по той причине, что удовлетворение этих необходимейших хозяйственных потребностей сельского хозяйства было бы отказом от самых основ экономической политики власти, отказ от самой ее сущности, отказом коммунистической партии от самой себя.

Конечно, могут быть кое-какие уступки. Но всякие уступки партия делает под давлением необходимости и, всякий раз когда эта необходимость ослабевает, партия эти уступки ликвидирует. Опыт прошлых лет в этом крестьянство убедил.

Следовательно, чтобы создать в России условия, необходимые для развития сельского хозяйства, крестьянство должно само прийти к власти.

Никогда в России хозяйственные задачи так не упирались в политические, как теперь. Без завоевания власти возрождение народного хозяйства невозможно.

Если в настоящее время даже есть среди не-коммунистов иные взгляды, если некоторым кажется, что и коммунисты могут создать условия для возрождения сельского хозяйства, то такие взгляды есть плод глубокого заблуждения. Они свидетельствуют о полной потере способности понимать то, что совершенно ясно и совершенно бесспорно. Как же коммунисты допустят свободу для крестьянского хозяйства, если эта свобода неизбежно задавит коммунистов? Одно с другим совершенно несовместимо. И когда коммунисты на этот счет говорили откровенно, когда откровенно определяли отношение к партии крестьянства, то они признали, что крестьянство является врагом коммунизма. Так учил Ленин, так учил Бухарин, так высказывался Сталин, так думают и не могут не думать все те, кто являются настоящими «ленинцами». Единственный путь разрешения с.-хоз. кризиса в России и преодоления продовольственного кризиса — путь завоевания крестьянством власти. Это неизбежно, по этому пути надо идти, к этому надо спешно и усиленно готовиться.

А. Марков.

Способы борьбы.

1.

Вопрос о способах борьбы населения с большевицкою властью в России делается снова острым. Его заостряет ухудшающаяся жизнь. В 1928 году она опять пошла

по откосу вниз: обесценивался советский червонец, сокращалось все промышленное производство, еще сильнее падала выработка отдельного промышленного рабочего, сократились посевы на крестьянских полях, убывает скот и птица на крестьян-

ских дворах. Народное хозяйство скудеет. Страшный призрак голода снова появился над великой страной, он уже реет над городами России, близится он в обширных районах и к ее деревням.

Состояние России как будто приближается к тому, которое она пережила в 1919—1920 годах. Это сравнение не верно: надвигаются более худшие, чем тогда, времена. В 1919—1920 годах внутри России шла гражданская война, а вне ее действовала блокада. Тогда власть могла на них ссылаться и ими оправдываться. Тогда население могло верить в грядущую лучшую жизнь после того, как окончится война и прекратится блокада. Теперь нет ни былых оправданий у власти, ни прежних надежд у населения. Теперь делается очевидным для всех, что откос, под который катится Россия, не является ни случайным, ни временным. Политика большевицкой власти вела и привела к нему с неизбежностью. Прибавим, в дальнейшем откос будет становиться все круче, а движение России по нем в пропасть разорения и страданий — все быстрее.

Каждая народу близкая власть теперь билась бы в поисках новой и лучшей политики. Коммунистическое самодержавие такой тревоге чуждо. По прежнему спокойно и щедро оно тратит денежные средства России на поддержку коммунистических партий во всем мире. Добывая деньги для этой поддержки, большевицкая власть по прежнему вывозит из России хлеб, отнимая его у голодающего населения русских городов. Не по прежнему, а в количествах усиленных, разбазаривает власть за границей художественные ценности России, отнимая их у всех живущих и всех грядущих русских поколений. Внутри России власть по прежнему бредит строительством своего прожорливого «социализма». Этот бред даже усиливается: по государственной смете на коммунистическую промышленность в 1928—29 году предположено израсходовать на 150—200 миллионов рублей больше прошедшего года, разработан и проводится в жизнь план усиленного строительства разорительных совхозов. Растут поэтому коммунистические поборы с населения: в текущем 1928—29 г. власть предполагает собрать с населения денег на 12% больше, чем в прошлом году. Усиливается, наконец, и террор власти: подобно всякому зверю в опасности, коммунисты сделались беспокойнее, злее, и в России множатся аресты, ссылки и расстрелы населения. Россия снова на отко-

се, она катится в пропасть, страдания ее населения растут, опасности перед ней увеличиваются. Одна часть населения России это ясно видит, другая смутно, но верно, чувствует. Основную причину и главного врага население видит отчетливо — это коммунистическая самодержавная власть. Мысль населения напрягается в поисках выхода. Его воля стихийно толкается к борьбе. С неизбежностью появляются вопросы к себе и запросы к другим о разумных способах борьбы с властью. Одно из публикуемых в этом номере писем с таким запросом (см. отдел «В России») мы считаем поэтому не случайным, а ответ на него обязательным.

2.

Цель всякой борьбы в победе. Победа над современной коммунистической властью может выразиться или в коренных переменах ее политики, или в ее свержении. В применении к России, «как она есть», первый смысл и вид победы является бесконечно более выгодным, чем второй: опасности для России, как государства, и страдания населения были бы в этом случае неизмеримо меньше. Со всей убежденностью мы считаем, однако, этот путь к победе закрытым для России: большевицкое самодержавие не способно пойти на глубокие перемены, жизненно необходимые стране. Те мелкие изменения в политике власти, о которых тихо вздыхает и шепотком полунамеками говорит сейчас правая коммунистическая оппозиция во главе с тремя Иванычами (Рыков, Томский и Калинин), бесконечно далеки от нужного России крутого поворота.

Но, может быть, эти робкие разговоры правой оппозиции о робких переменах только исходная точка в сторону глубокой ломки? Может быть, в конце концов власть окажется способной и на нее? Если и допустить такой ход событий, то явится он в результате не свободных решений власти, а сильного напора на нее. Все 11 лет, строя свой паразитический «социализм», связав с ним свою судьбу, как власти, и свои интересы, как отдельных лиц, погубив во имя и во славу этого «социализма» миллионы человеческих жизней и на миллиарды рублей ценностей, коммунисты на 12-м году своего самодержавия добровольно от «социализма» не откажутся. Спор между надеющимися на перерождение коммунистической политики и теми, кто видит освобождение России только на путях насильственного

свержения нынешней власти, может быть снят: в обоих случаях суровая борьба неизбежна.

Неизбежен в обоих случаях и приход к власти новых сил. Если коммунисты окажутся способными к крутому перелому своей политики, новые силы займут во власти место рядом с ними, при свержении коммунистов — в место них. По внешности положение в двух этих случаях будет разным, по внутреннему содержанию одним и тем же: в обоих случаях руководящая роль во власти не может и не будет принадлежать коммунистам; она неизбежно окажется в новых руках. Так расширяется цель борьбы и смысл победы: надо не только свергнуть коммунистов или заставить их круто переменить политику, но и создать им смену. Смену не в виде отдельных лиц, которые захотят и сумеют быть министрами (они найдутся всегда с избытком), а в виде нового правящего слоя, в который власть глубоко бы уходила своими корнями и соком сочувствия и поддержки которого она бы питалась.

Предвидеть нужду в такой смене и заранее и деятельно готовить ее — в этом заключается первое условие и первая потребность разумной борьбы с красным самодержавием. Без соблюдения этого условия и выполнения этой потребности победы не будет.

Откуда придет такая смена? Откуда она может прийти? Отвечая на эти вопросы, «Крестьянская Россия» восемь лет назад поставила ставку на крестьянство; по важнейшему из ее взглядов, законным и прочным преемником коммунистов во власти будет и в интересах России должно быть союзное крестьянство в его союзе с международной интеллигенцией России. Наблюдения и раздумье с тех пор лишь укрепили нас в этом представлении о возможном и желанном. Предвидя нужду в смене, готова ее, ускоряя приход ее к власти, необходима поэтому деятельная и широкая работа по политической организации крестьянства. Этим сознанием должен быть проникнут каждый шаг в противобольшевизмской борьбе и каждая форма ее. В конечном счете ценными явятся лишь те способы борьбы, которые будут содействовать объединению и организованной деятельности русской деревни во имя ее права на власть*).

* В шанхайской газете «Русская Мысль» (от 18. IX. 1928) была напечатана статья Д. Рафа-

О формах политической организации крестьянства в условиях современной России мы высказывались не раз: необходима крестьянская партия, с развернутой программой по всем большим вопросам русской жизни, а не крестьянский союз с куцей платформой, отвечающей только на близоручко понятые нужды деревни; партия должна быть подпольной; она должна состояться из немногочисленных по составу партийных групп (не больше 5—7 человек), связанных между собою только через уполномоченных и их заместителей; неразумно было бы в условиях современного сыска стремиться сделать эти группы так многочисленными, чтобы партия стала организацией крестьянских масс — полицейский разгром в этом случае был бы неизбежен; достаточным считаем охват партийными группами только верхушки современной деревни — крестьянской интеллигенции; делом бесконечной важности для будущих судеб крестьянской партии считаем вхождение теперь же в ее состав интеллигенции общенародной.

Сложившиеся группы крестьянской партии должны действовать. Характер их действий прежде всего должен определяться состоянием, в котором находится вся страна и ближайший район групп: в

лова «Мысли вслух». После дельной характеристики советского бюджета и грабежа деревни, автор ставил вопрос о том, «кто сменит большевиков». Отвечая, автор склонен предполагать, что «Крестьянская Россия» способна «придать противобольшевизму взрыву целеустремленность, способна воспользоваться растерянностью диктатуры, чтобы ее уничтожить и заполнить пустоту, которая образуется на месте государственной власти». Тут мы считаем полезным устранить одно недоразумение и отклонить одну, пока незаслуженную, честь... В своих предвидениях и желаниях, связанных с политической ролью крестьянства, мы, хотя и считаем крестьянство единственно законным и прочным преемником власти после большевиков, но не думаем, что при насильственном свержении большевиков их место будет немедленно и обязательно занято политически организованным крестьянством. Мы склонны предполагать, что послебольшевизмской России придется пройти через полосу диктатуры — вероятно, военной. Большевицкая власть, распатанная крестьянской борьбой, может стать добычей военно-дворцового переворота, и военно-диктаторская власть на некоторое время может укрепиться в России. Поэтому, считая властвование организованного крестьянства данностью в ходе будущей истории России, мы считаем его властвование непосредственно после большевиков лишь заданностью. Тем большей заданностью (а не данностью) считаем мы, конечно, решающую роль «Кр. России» в падении большевиков и в организации послебольшевизмской власти. Превратятся ли обе эти заданности в действительность зависит от количества и качества сил, которые удастся вовлечь и в общекрестьянское и в наше собственное дело.

периоды спокойного состояния населения действия должны быть одни, в поворотные моменты, когда население полно тревоги, волнуется и ищет способов действовать, они должны быть иными. В последующей части статьи мы исходим из убеждения, что жизнь России в настоящее время снова стоит на грани крутых и важных сломов в своей судьбе.

3.

В противобольшевицкой борьбе, если даже она ведется сельским населением, необходимо помнить о великом значении для нее городов. Города являются центрами общественной жизни. В них сосредоточены узловые административные учреждения, управляющие обширными районами; в них живет наиболее образованная и потому наиболее влиятельная часть населения; в них размещены войска, полиция, органы сыска, всякие склады; в них для покупок и продаж, для дел в разных учреждениях съезжаются и сходятся массы сельского населения. Когда власть падает в городе, она падает во всем подчиненном ему районе; когда в городе создается власть новая, она становится властью большого числа деревень. Если города будут действительно стоять на стороне большевицкой власти, победы у деревень не будет. В борьбе с красным самодержавием крестьянству необходимо иметь города на своей стороне.

Города России под большевицкую власть упали в своем обычном и былом значении. В долгие годы борьбы с царским самодержавием, они были застрельщиками и ведущей силой, теперь они плетутся в хвосте борющихся сил, и почти вся тяжесть борьбы падает на плечи одного крестьянства. Можно объяснить и понять это явление, но оно остается.

Однако, и при всей современной покорности, города России и теперь остаются важной силой борьбы и победы. Политически-организованному крестьянству необходимо искать в городах связи, строить в них свои опорные пункты, создавать себе содействие.

Не все слои городского населения одинаково важны для дела крестьянской борьбы и далеко не во всех их крестьянство может найти сочувствие себе. Своих союзников в городах политически организованной деревне искать необходимо среди общенародной интеллигенции*) и ис-

*) Еще раньше, чем в городах, общенародную интеллигенцию, способную стать его союзником

като стоит среди той части людей физического труда, которые внутренне не оторвались от крестьянства и, живя в городах, чувствуют себя людьми деревень. Находится в городах, однако, и еще один слой — самый важный для дела общенародной и крестьянской борьбы и наиболее среди всех слоев городского населения связанный с деревней. Это — армия. Благодаря армии, крестьянство может быть решающей силой и в городах. Может быть, если армия, на три четверти состоящая из крестьян, будет крестьянской и по своим настроениям, если ее солдаты в период военной службы не оторвутся от деревни и не станут ни безучастными к ее стремлениям и нуждам, ни враждебными. Коммунисты напряженно работают, чтобы создать эту безучастность и даже враждебность. Вот тут и встает важная задача политически-организованной и борющейся деревни: из всех сил, используя все способы, надо не допускать этого разрыва между настроениями деревни и ее сыновьями в армии. Деревенская молодежь перед военной службой и солдаты во время ее прохождения должны быть обслуживаемы деятельной политической пропагандой крестьянской партии. Письменные сношения с солдатами, поездки к ним для свиданий их родных и пребывания солдат во время отпусков в родных деревнях должны быть широко использованы. Дух недовольства и борьбы, чувства ограбленности и бесправия, жажда перемен — все это всеми способами и постоянно из деревень должно переноситься в армию. Создание в военных частях маленьких (в 3—5 человек) групп крестьянской партии должно быть сделано одной из форм этой крестьянской борьбы за душу своих сыновей-солдат.

Следует помнить, что для военно-политической борьбы коммунистами созданы специальные воинские части (части особого назначения и войска ГПУ), которые должны служить защитой и опорой власти в случаях восстаний против нее. Связи в этих частях и политическое воздействие на солдат в них является еще более важным, чем такие же действия в отношении служащих в обычных воинских частях, ибо эти последние власть посылает на борьбу с населением лишь в последнюю очередь — когда войск специ-

в борьбе, организованному крестьянству надо искать в деревне и селах (среди врачей, фельдшеров, священников, агрономов, землемеров, ветеринаров и лесничих).

ального назначения в данном районе нет или они исчерпаны.

4.

Действия политически-организованного крестьянства в сторону городов могут поглотить только часть его сил и при том не большую, а меньшую. Основным полем деятельности неизбежно останутся сельские, местности. Здесь целесообразно держать не один, а несколько фронтов борьбы. Во всех их группы крестьянской партии должны явиться зачинателями, пропагандистами и участниками, но не они одни должны действовать.

На первом месте среди фронтов крестьянской борьбы мы бы поставили мирно-политический. Понимаем под ним борьбу крестьянства за руководство сельскими организациями и учреждениями-советами, исполкомами, кооперативами, избами-читальнями и т. п. По отношению ко всем им цель должна заключаться, во-первых, в удалении партийных коммунистов и их непартийных подголосков; во-вторых, в замещении их мест своими представителями. Первую из целей следует осуществлять борьбой не только внутри указанных учреждений, но и вне их. Должен бы быть выброшен лозунг: «в деревне нет места коммунистам!» и организован бойкот коммунистов. Он мог бы выразиться в отказе в помещениях для приезжих коммунистов, в непродаже им продуктов, в отказе от всякого рода соседских услуг и т. д. При неисполнимости или недостаточности этих мер, «выкуривание» коммунистов из деревень может производиться и другими способами. Борьбу за организации и учреждения, начиная снизу, надо переносить затем вверх — в волостные или районные советы и исполкомы, в кооперативные союзы и т. д.

Само собой понятно, что для борьбы за организации с широким районом деятельности, необходимо иметь группы крестьянской партии, разбросанными по всему этому району. Широкая сеть таких групп необходима и для всех остальных форм борьбы. Их возможно большее распространение является поэтому первой и самой важной заботой каждого из отдельных деятелей крестьянской партии и каждой из групп ее.

В одном из помещенных ниже писем мирная политическая борьба отвергается. Автор письма полагает, что она «крайне ничтожна» по возможным достижениям и

ней, что она «видимость, а не реальность». С этой оценкой невозможно согласиться: мирно-политическая борьба организует, она приучает совместно действовать, она способна дать важные опорные пункты и для всех остальных видов борьбы.

Вторым фронтом может быть назван *экономический*. Целесообразными способами борьбы на нем мы бы считали: 1) предельное сокращение продаж продовольственных припасов, в особенности зерна, заготовительным советским органам; 2) предельное уменьшение покупок промышленных товаров; 3) возможно длительные задержки налогов и при возможности их полный неплатеж; 4) отказ от покупки заемных бумаг; 5) решительный и полный отказ от добровольных пожертвований на «Мопр», «Авиохим» и т. п.; 6) невзнос денег в советские кредитные учреждения; 7) отказ от контрактации посевов; 8) отказ от работы в совхозах. Огромное значение имел бы бойкот советской водки. При продаже ее власть собирает с населения, с крестьянства по преимуществу, огромную сумму в 800 миллионов рублей (по смете на 1928—29 г.). Отметим, что пропаганда этого бойкота могла бы быть поставлена совершенно открыто. Организация обществ и кружков трезвости не вызвала бы противодействия даже со стороны нынешней власти. При усиленной деятельности в этом направлении можно вызвать широкое сельско-общественное движение.

Борьба с советской водкой, проводимая под видом вообще борьбы с пьянством, могла бы лечь в основу борьбы на третьем фронте — на фронте *культурном*. С точки зрения борьбы сегодняшнего дня этот фронт является наименее важным из всех, с точки зрения длительных и строгих задач крестьянской партии, он является, может быть, самым важным. То презрение к личности человека, которым пропитана вся политика коммунистов и из которого вырастает бесправие населения и произвол властей, незаметным ядом проникает во все стороны народной жизни и отравляет ее. Душа народа черствеет и нравы грубеют. Насилий всякого рода в современной русской жизни бесконечно больше поэтому, чем было раньше. С этим осуждением добрых начал в душе человека и его озверением нужна борьба. Она необходима и с прямым влиянием коммунистической пропаганды, которая ведется в деревнях против религии, здоровой семьи, добрых нравов. Культурные начинания всякого рода, начиная от совместных бесед

и чтений и кончая кружками саморазвития и театральными, тут могли бы иметь положительное значение — в особенности среди деревенской молодежи. Этот фронт держать нелегко, но держат же его — и часто с большим успехом — сектанты современной России; при доброй воле и настойчивости могут держать его и несектанты. Немалую часть сил для этого фронта можно при настойчивости получить из среды некоммунистической интеллигенции, живущей в селе или привлекаемой из городов.

Фронт четвертый — фронт *вооруженно-политической* борьбы. Последняя велась крестьянством во все 11 лет красного самодержавия. Формы ее менялись, но борьба оставалась. Идет она и сейчас. В 1919—1920 годах эта борьба имела по преимуществу форму массовых восстаний крестьянства. В последующие годы она проявлялась в деятельности крестьянских повстанческих отрядов. В два—три последних года преобладающей формой ее являются убийства отдельных ретивых коммунистов и их добровольных шпионов — сельских корреспондентов советских газет. В текущем году советская печать отмечает в ряде районов и новое «выкуривание» коммунистов из деревень, путем поджогов их построек, стогов и скирд.

Массовые восстания гражданского населения легко подавляются. При этом гибнет много имущества, обильно и бесполезно проливается человеческая кровь. Эта мера борьбы пригодна только для самых острых, для самых последних моментов в схватке населения с властью. Низовой террор против представителей власти и их ретивых слуг дает меньше жертв и потерь, но вряд ли и они оправдываются результатами. Виновики убийств и покушений обычно раскрываются и, как правило, гибнут. Эхо же от этого «тихого» способа борьбы получается слабым: в массах населения он духа не поднимает, ибо, пока не состоится суд, известными не становятся ни деятели, ни причины, толкнувшие их на действия; физическое действие немногих тут слабо связано с политическим воздействием на широкие слои.

Действия крестьянских повстанческих отрядов наносили и наносят власти наиболее сильные удары при наименьших жертвах населения. Но лишь при условии, если они имеют открыто и широко заявленные цели борьбы и проявляются в формах, которые понятны населению. Поэтому всегда большую роль в успехе массовых выступлений играло политическое оформление

такого рода движений. Это заставляло высоко ценить наличие в рядах отрядов людей, могущих дать оформление и объяснение смысла происходящей борьбы.

5.

Мы назвали четыре фронта борьбы и указали действия на каждом из фронтов. Мы не думали при этом, что все четыре фронта и все действия по каждому фронту могут иметь место в каждом отдельном селе и при всяких условиях. Конечно, нет: от местности к местности, от одной обстановки к другой, виды борьбы неизбежно меняются. При всем возможном разнообразии действий в отдельных местах и среди различных групп действующих, однообразными должны оставаться цели действий. Тут необходимо строгое единство борющихся сил на всем пространстве России. *Обеспечение и ускорение прихода крестьянства к власти* — вот самое общее выражение этих целей. Это определение страдает, однако, чрезмерной широтой и малой определенностью. Оно мало говорит и неспособно увлекать. Его необходимо разбить на четкие частичные требования, *исходя из положения вещей в современной России*. Эти требования могли бы быть такими:

1. Всеобщие и тайные выборы в советы; уравнивание всех в избирательных правах; свобода печатного и устного слова; право на свободное существование всех политических партий, в том числе и в первую очередь Трудовой Крестьянской Партии.

2. Независимый суд; аресты и наказания только по суду; суд по закону; закон по воле свободно избранных представителей народа.

3. Прекращение борьбы с религией и свобода религиозных убеждений для всех.

4. Мир с другими государствами и народами и невмешательство в их внутренние дела.

5. Деятельные заботы государства в отношении вооруженных сил страны; признание всех чинов, званий и прав, приобретенных службой, в красной армии, в морском и воздушном флоте.

6. Лишение коммунистов всех преимуществ и полное уравнивание их в правах со всем остальным населением; полное прекращение денежной поддержки со стороны российского государства всем коммунистическим партиям — в России и во всем мире.

7. Безусловный и полный контроль свободно избранных представителей народа

над сбором и расходом государственных средств.

8. Свобода хозяйственной деятельности для всех; прекращение «классовой экономической политики», которая душит хозяйственно-творческие силы народа и вгоняет Россию в разорение и нищету.

9. Признание за сельским хозяйством права на первое место и главную помощь в экономической политике государства; прекращение нынешнего грабежа деревни путем налогов и разорительных для нее цен на сельские продукты и промышленные товары.

10. Изъятие земли из рук государства и передача ее в свободное распоряжение крестьян; установление земельных порядков по воле крестьян, а не по произволу чиновников; заботы государства о том, чтобы земля не скоплялась большими количествами в руках отдельных лиц и не шло бы обезземеливание крестьянских масс.

11. Постепенная передача промышленных предприятий в частные руки в целях удешевления товаров, улучшения их качества и увеличения количества.

12. Признание за рабочими права на борьбу за свои интересы; свобода рабочих организаций; фабрично-заводское законодательство в интересах рабочих и служащих.

13. Амнистия для всех пострадавших за противокommунистические убеждения и борьбу.

14. Борьба за исполнение всех этих требований до их полного удовлетворения коммунистами или до низвержения коммунистов.

Краткими лозунгами, которые вытекают из изложенной программы и целей борьбы, можно взять следующие:

1. Вон коммунистов из деревень!
2. Долой красное самодержавие!
3. Да здравствует крестьянская власть!
4. Да здравствует свобода человека, гражданина и хозяина!
5. Всеобщие, тайные и равные для всех выборы в советы!
6. За Россию! Да будет она великой в свободе, духовной культуре и хозяйственном труде!

Сергей Маслов.

Германия и советское правительство.

Во всем мире, среди всех государств и народов Германия по своему отношению к советскому правительству занимает совершенно исключительную позицию, являясь его единственным другом и союзником. Советское правительство никогда не могло похвастаться обилием друзей за границей. Время от времени возникали весьма непродолжительные дружественные связи то с «красным» Китаем, то с Ангорой, возлагались надежды на союз с афганским королем или с мексиканским президентом и втайне лелеялись фантастические мечты о союзе с Францией против Англии или с Америкой против всей Антанты. Но дружба с Китаем закончилась избиениями советских дипломатических представителей, Кемаль-паша запретил у себя в стране даже намеки на существование компартии, Коллонтай пришлось спешно покинуть пределы Мексики, что же касается афганского падишаха, то несмотря на великие и обильные дары, полученные им от большевиков, он, видимо, предпочитает английское золото. Мечты о союзе с Францией, т. е. возобновлении франко-русского союза, заключенного императорским правительством, разлетелись после того, как Раковский, ни с кем не простившись, бежал из Парижа, вражда же американских государственных деятелей к большевикам даже превосходит по своей принципиальности вражду англичан. И только в Берлине большевики продолжают находить и политическую, и финансовую, и моральную поддержку.

Историю отношений между большевиками и немцами обычно начинают с отправления Ленина и его товарищей в заломбированном вагоне через Германию в Россию. Такое начало совершенно неверно. Отправляя большевицкого вождя в

Россию, германское главное командование считало — и оно не ошиблось в расчетах — что наносит вред противнику, содействует разрушению его армии, на которую должна повлечь разрушительная революционная и пораженческая пропаганда Ленина и, следовательно, тем самым приближает момент победы армий императора Вильгельма II над демократической Россией. Теперешняя тактика германского правительства состоит не в ослаблении, а усилении того русского правительства, которое в данный момент находится у власти, т. е. правительства советского. Делают это немцы, конечно, не из любви к большевикам и не из непонимания их настоящей сущности. В правящих кругах Берлина большевиков так же не любят, как не любят их в Лондоне или Париже; знают же большевиков немцы еще лучше, чем англичане и французы. Германская дружба по отношению к большевикам основана исключительно на холодном политическом расчете, преследующем только интересы Германии.

Когда в Рапалло немцы спешно заключали соглашение с большевиками, боясь как бы последние не подписали соглашения с союзниками, а затем уже в более спокойной обстановке скрепляли это соглашение другими договорами, они действовали в сознании крайней необходимости. Германия, побежденная и разоренная, стояла одна перед объединенным фронтом держав-победителей, не имея ни друзей, ни союзников. Иностранная войска находилась на ее территории, огромная контрибуция, истинных размеров которой никто не знал, давила страну чудовищным бременем. В этом критическом положении немцы внешне увидели единственного союзника — Советскую Россию. Со времени гражданской войны со-

ветское правительство находилось во вражде с англичанами и с французами; несмотря на подписание Рижского мира, неприязненные отношения между поляками и большевиками продолжались. Так как Англия, Франция, Польша являлись врагами и Германии, то весьма простой политической расчет толкал ее в объятия советского правительства. Во Франции принято думать, что немцы с помощью красной армии мечтают когда нибудь взять реванш и разбить французов. Возможно, что в кругах немецких крайних монархистов и националистов подобные планы и существуют, но в виду малой влияния правых кругов, планы эти не имеют существенного значения. Объединяясь с Россией, хотя бы и с большевицкой, Германия преследовала не столько наступательные, сколько оборонительные планы. Уже одна угроза тесного германо-советского союза действовала на государства Антанты и заставляла их понижать свои требования, предъявляемые Германии.

Впрочем, не надо закрывать глаза и на то обстоятельство, что командные круги германской армии, до последнего времени бывшие почти независимыми от республиканского правительства, пробовали заключить нечто вроде военного союза с большевиками. Лишь недавно в германской социал-демократической печати появились сенсационные разоблачения о том, что на средства министерства «рейхсвера» в России создавались фабрики военных аэропланов и фабрики ядовитых газов, при чем так и не было понятно для кого предназначались эти аэропланы и эти газовые бомбы — только ли для большевиков или, быть может, и для большевиков и для немцев. Разоблачения эти никем опровергнуты не были, и военное министерство ограничилось лишь заявлением, что теперь ничего подобного не наблюдается.

Однако, не одни только политические и военные расчеты руководили немцами в их русской политике. Издавна уже Германия считала, что Россия является в высшей степени удобным рынком для сбыта немецких товаров и машин. Русская промышленность всегда находилась под известным влиянием германского капитала и германской техники. После войны и революции Россия с ее разрушенной промышленностью представляла собою лакомую добычу для немцев. Используя русский рынок, захватив в свои руки русское сырье, сбывая в России изделия своей промышленности, Германия могла рассчитывать на восстановление своей прежней хозяйственной мощи, что позволило бы ей успешно бороться с преобладающим влиянием государств Антанты. На совещании главарей германской промышленности и капитала, представители фирмы Крупп говорили: «Мы должны употребить все усилия, потерять сотни миллионов марок, но монополю утвердиться в России и не дать возможности проникнуть туда американцам, англичанам или французам». Этими соображениями и была продиктована германская экономическая политика по отношению к России. Немцы вложили крупные капиталы в русские концессии, и советскому правительству были открыты кредиты на сотни миллионов марок, при чем большую часть этих кредитов гарантировало правительство. В настоящее время немцы считают, что они вложили 600—700 миллионов в русские дела. Совершенно понятно, что германскому правительству волей-неволей приходится весьма бережно относиться к советской дружбе и всячески ей содействовать. В этом отношении германское правительство пользуется поддержкой почти всего общественного мнения страны. Все партии, начиная от монархистов, националистов и антисемитов, переходя через като-

лический центр и германскую народную партию, выражающую интересы крупной буржуазии, и кончая демократами, объединяющими немецкую интеллигенцию, — все партии единодушно стоят за союз с советским правительством. Исключение, в сущности говоря, составляют (если не считать незначительных крайних правых группировок) только одни социал-демократы. Последние, лучше чем кто бы то ни было, знают истинную сущность большевиков и насколько не стесняются разоблачать все те отвратительные преступления против свободы и права, которые совершаются тедерешними диктаторами России. Причина такого отношения вполне понятна — германским социал-демократам приходится выдерживать жестокую борьбу с германскими коммунистами, работающими на советские деньги, вносящими смуту и разложение в ряды германского пролетариата и провоцирующими его на неорганизованные выступления. Социал-демократы великолепно знают, что если бы Москва прекратила давать инструкции и субсидии германским коммунистам, то деятельность последних свелась бы к самым скромным размерам. Немудрено, что в среде социал-демократической партии существуют ярко-выраженные антипатии к советскому правительству. Последнее платит им той-же монетой, и в германской социал-демократии видит своего главного врага, предпочитая иметь дело с германскими монархистами и погромщиками.

Надо, наконец, отметить, что в некоторых, правда, немногочисленных, кругах молодой немецкой интеллигенции, очень плохо разбирающейся во внутренних русских делах, существует своего рода мода на большевизм. У себя дома эти круги весьма скептически относятся к коммунизму, коммунизм же в России представляется им весьма интересным и поучительным «опытом», который может принести человечеству большую пользу. Их мало смущает то обстоятельство, что от этого «опыта» гибли миллионы русских крестьян. Они с восторгом воспринимают «новые слова», идущие из Советской России, восторгаются коммунистической литературой и считают «белогвардейскими выдумками» тюрьмы ГПУ и концентрационные лагеря в Соловках. По их мнению, которое невозможно ничем поколебать, нигде в мире не живет так хорошо и привольно, нигде нет такой свободы слова и печати, как в Советском Союзе. Эту моду на большевизм делит с ними и германская буржуазия. Берлинский театр Пискатора, в котором идут исключительно коммунистические, пропагандные пьесы, содержится на средства одного банкира, а на представлениях ложи и партер заполнены мужчинами во фраках и женщинами в бриллиантах и драгоценных мехах.

За последнее время большевики жалуются на то; что немецкая дружба начинает ослабевать. В этом есть большая доля истины. Прежде всего, отношения между Германией и государствами Антанты со времени заключения знаменитого Локарнского договора и вступления Германии в Лигу Наций весьма улучшились. И немцы, и французы честно и деятельно стремятся устранить все существующие между ними недоразумения и приветить Европу к нормальному, мирному порядку. Еще рано говорить о политическом союзе между Германией и Францией, но тяжелая промышленность обеих стран, через головы своих правительств, уже заключила между собою ряд соглашений. Чем больше, однако, Германия приближается к западным государствам, тем дальше она отходит от Советского союза. Дружба с последним теряет всякий смысл. более того, становится обременительной и опасной. Одно время эта дружба в

известной степени помогла Германии, но в общем, она скорее испортила ее международное положение. Угроза германо-советского военного союза теснее сблизила Англию с Францией, Францию с Польшей и с многими государствами Восточной, Центральной и Южной Европы. Надежды немцев на то, что они выступят в роли посредника между СССР и Америкой не оправдались. Вновь избранный президент Соединенных Штатов Гувер, категорически заявил, что он против признания советского правительства, против потому, что это признание находится в противоречии с интересами самой России.

Немцы сами не скрывают, что дружба с большевиками доставила им не мало неприятностей. Первого же советского посла Иоффе пришлось выслать из Берлина, потому что он начал организовывать вооруженное восстание. Приехавший затем Радек обосновался в полпредстве и уже в качестве «частного лица» энергично продолжал работу Иоффе — пришлось выслать и Радека. Все в Германии, а в особенности правительственные круги, великолепно осведомлены о том, что советское правительство всячески поощряет деятельность германских коммунистов, направленную против существующего республиканского строя. Даже в среде германской коммунистической партии начинают уже тяготиться игом Москвы, и возникшая оппозиция, весьма влиятельная и многочисленная, занимает по отношению к правительству Сталина несравненно более резкую позицию, чем немецкие монархисты. Шахтинское дело, конечно, не способствовало развитию симпатий к большевикам в Германии. Бессудные расстрелы заложников, производящиеся в тюрьмах ГПУ и вызвавшие возмущение всего культурного мира, пятном легли и на Германию, как на единственную союзницу советского правительства.

К политическим и моральным разочарованиям присоединились и разочарования экономические. Вопреки всем ожиданиям, германские концессии в России оказались убыточными, часть их лопнула, часть влачит жалкое существование. Вследствие отсутствия у советского правительства денег, торговли с Германией все сокращается, и за последние месяцы берлинское торгпредство не совершает ни-

каких сделок. Большевики требуют новых кредитов, но немцы давать их отнюдь не склонны. Во всяком случае, если кредиты и будут даны, то только под условием хотя бы частичного отказа от монополии внешней торговли. Не дожидаясь исполнения этого требования, которое несомненно будет предъявлено на предстоящих в Москве германо-советских переговорах, германская промышленность уже создала особый «Русский Комитет», куда вошли все фирмы, торгующие с Россией. Германские промышленники поняли всю невыгодность того положения, при котором советское правительство выступает в качестве единого и мощного торговца, в то время как немецкие фирмы действуют разрозненно. Образовавшийся Русский комитет и должен служить своего рода противовесом советской монополии внешней торговли. Он уже успел вызвать целую бурю возмущения в советской печати, открыто исповедующей дикарскую мораль: хорошо, когда я украл у тебя корову, но плохо, когда ты украл у меня корову.

Несмотря на ослабление германо-советской дружбы, немцы еще долго будут держаться за союз с советским правительством. Они считают, что им нужна Россия, как экономическая и политическая сила. Теперь в России сидит советское правительство, поэтому Германия должна дружить именно с советским правительством. До того, что происходит внутри России, как живет русскому народу, Германии нет дела. В этих словах заключается объяснение всей русской политики Германии. Немцы не понимают, — или не хотят понимать — что поддержка, оказываемая ими большевикам, вредит делу революционного освобождения страны от теперешней диктатуры и отдалает момент наступления свободного народоправства. Это — очень печальный факт, но с ним приходится считаться. Только близорукая политика, уже однажды давшая свои тяжелые плоды, мешает политическим деятелям Германии понять, что в ее интересах желать, чтобы в России как можно скорее установился нормальный правопорядок и чтобы правительство, сидящее в Кремле, выражало подлинные интересы многомиллионного русского крестьянства.

В. Татаринев.

Десять лет чехословацкой деревни.

(К десятилетию самостоятельности Чехословацкой республики).

Из 13.613.172 чел. общего количества населения Чехословакии на его земледельческую часть отходит лишь 5.386.043 чел., т. е. 39,40%.

Вся территория Республики имеет 14.035.572 гектара. В 1927 году под пашней находилось 5.914.825 гект., под постоянными лугами — 1.381.045 гект., под садами и огородами — 138.132 гект., под виноградниками — 16.940 гект., под пастбищами — 1.194.430 гект., под лесами — 4.652.257 гект., под прудами, озерами и болотами — 77.453 гект., под строениями и неплодородными землями — 650.490 гект. Под одной пашней, следовательно, находится 42,09% всей территории Республики, тогда как совершенно незначительная часть ее занята неплодородными и застроенными землями, что вместе дает лишь 4,61%.

Результаты хозяйственной деятельности сельского населения за годы самостоятельности выражаются в следующих цифрах: под пшеницей было занято в 1920 г. 633.771 гект., давших урожай в среднем на 1 гект. — 11,3 м. ц., в 1920—24 гг. —

в среднем 619.000 гект., с средн. урожаем на 1 г., — 14,7 м. ц., в 1925—27 гг. — в средн. 620.000 гект., с урожайностью на 1 гект. от 14,9 до 17,3 м. ц.

Урожайность пшеницы в Евр. России, в эпоху, когда она поднималась и давала наибольшие результаты, т. е. за время 1901—15 гг., в среднем была в 6,6 м. ц. (квинталов), т. е. почти в 2 раза менее, нежели самый малый послевоенный урожай в Чехословакии и почти в 3 раза менее, чем в 1927 г. Урожайность пшеницы по целой России за время 1920—22 гг. на десятину выражалась в 23—49 пуд., что составляет 3,4 до 7,2 м. ц. на 1 гектар, т. е. 2½—3½ раза менее, чем в Чехословакии.

Под рожью было в 1920 г. занято 889.842 гект., давших урожай на 1 гект. в средн. 9,4 м. ц., в 1920—24 гг. — в среднем 872.000 гект., давших урожай на 1 гект. в среднем 13,7 м. ц., в 1925—27 гг. — в среднем 830.000 гект., с урожайностью на 1 гект. от 14,0 до 17,4 м. ц.

За годы 1901—15 урожайность ржи по Евр.

России в средн. на 1 гект. была в 7,3 м. ц. В 1920—22 гг. урожайность по всей России выражалась в 29—45 пуд. на десятину, т. е. от 4,2—6,7 м. ц. на гект., т. е. в $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ раза меньше, нежели в Чехословакии.

Под *ячменем* в 1920 г. было 692.000 гект., давших урожай на гект. в средн. — 11,7 м. ц., в 1920—24 гг. — в среднем 677.000 гект., со средн. урожаем на 1 гект. — 14,8 м. ц., в 1925—27 гг. — в средн. 700.000 гект., с урожайностью на 1 гект. от 16,1 до 17,9 м. ц.

За 1901—15 гг. урожайность ячменя по Евр. России в средн. была на 1 гект. в 8,7 м. ц. В 1920—22 гг. урожайность на десятину по целой России была в 24—52 пуд., т. е. 3,6—7,7 на 1 гект., т. е. в 2—4 раза меньше, нежели в Чехословакии.

Под *овсом* в 1920 г. было 798.000 гект., давших урожай на 1 гект. в средн. 10,8 м. ц., в 1920—24 гг. — в средн. 819.000 гект., с урожайностью на 1 г. в средн. 13,5 м. ц., в 1925—27 гг. — в среднем 840.000 гект. с урожайностью в среднем от 15,6 до 18,4 м. ц.

За 1901—15 гг. урожайность овса по Евр. России на 1 гект. была в среднем 7,5 м. ц., за 1920—22 гг. урожайность овса в целой России была от 31—46 пудов на десятину, т. е. 4,5—6,8 м. ц. на 1 гект., т. е. в 2—3 раза меньше, нежели в Чехословакии.

Под *картофелем* в 1920 году в Чехословакии было занято 604.560 гект., в 1927 г. — 650.823 г.; средняя урожайность поднялась с 82,7 м. ц. в 1920 г. с 1 гект. до 118,4 м. ц. в 1927 году.

В Европейской России за 1901—15 гг. урожайность картофеля была в 410—464 пуда с десятины, т. е. 62—68 м. ц. на 1 гект., т. е. в $1\frac{1}{2}$ —2 раза менее, нежели в Чехословакии.

Сахарная свекла занимала в 1920 г. 209.423 гект., в 1927 г. — 287.210 гект., урожайность в среднем поднялась с 1920 по 1927 г. с 228,2 до 256,1 м. ц. с 1 гект.

В Европ. России за 1901—15 гг. урожайность сахарной свеклы с десятины была в 970—1090 пудов, т. е. 144—162 м. ц. на 1 гект., т. е. в 2 раза менее, нежели в Чехословакии.

Урожай *хмеля* тоже поднялся с 53.736 м. ц. в 1920—24 гг. до 70.000—98.000 м. ц. в 1925—27 гг.

Значительные успехи за годы самостоятельности в своем развитии дали плодоводство, огородничество, шелководство и пчеловодство.

Количество *рогатого скота*, считая в том числе коров, быков, волов, телят и яловниц, — с 1918 г. по 1925 г., когда была произведена перепись скота, увеличилось с 1.551.612 гол. до 4.691.320 гол., из них одних коров было 2.331.461. Лошадей в 1918 г. было 465.518, в 1925 г. 740.202. Свиной, без Словакии и Подкарпатской Руси, в 1918 г. насчитывалось 757.520 шт., в 1925 г. их насчитывалось уже 2,5 миллиона. Количество рогатого скота, лошадей и свиней с 1925 г. по 1928 г. тоже росло, но об этом росте точных данных нет.

После лет войны, результаты действия которой на сельск.-хоз. производительность особенно ясно видны по 1920 году, давшему наименьшие цифры урожайности, как в общей сложности, так и в среднем на 1 гект., урожайность в последующие годы неуклонно повышается, как в общих результатах, так и в среднем на единицу площади. Но это повышение общих результатов идет не в сторону увеличения площади засеяния сельскохоз. культур, а, за малыми исключениями, исключительно по линии увеличения производительности единицы площади.

Вообще развитие с.-х. производительности в Чехословакии шло и вынуждено идти в будущем не по пути расширения земельной площади под

с.-х. культуры, ибо она и так занимает уже громадный процент, и дальнейшее расширение ее может быть сделано лишь в незначительных размерах. Добавочным подтверждением этого направления развития с.-х. производительности служит и последовательное с каждым годом увеличение количества искусственных удобрений, использованных сельским хозяйством в Чехословакии. Так в 1918 г. на удобрение почв в пределах целой Республики было употреблено 66.421 тонна, в 1928 г. уже было затрачено 662.224 тонны, т. е. в 10 раз больше. 1928 г. по количеству израсходованных искусств. удобрений превосходит и 1913 год, когда на той же территории было израсходовано 530.000 тонн искусств. удобрений.

Еще разительнее представляются результаты хозяйственной деятельности сельского населения, если обратимся к балансу его внешней торговли. Так в 1926 г. было вывезено из Чехословакии: сахара — 8.973.150 кв. в цене 2.172.970.000 крон, ячменя — 1.219.945 кв. на 201.037.000 кр., солода — 1.712.579 кв. на 495.108.000 кр., хмеля — 73.581 кв. на 589.999.000 кр., дров — 22.303.076 кв. на 676.456.000 кр., пива — 355.300 кв. на 42.800.000 кр., а всего на 4.178.370.000 крон ч.

За это же время было ввезено: пшеницы — 2.128.518 кв. в цене 412.776.000 кр., пшен. муки — 2.190.600 кв. на 696.972.000 кр., ржи — 916.819 кв. на 127.579.000 кр., кукурузы — 3.229.800 кв. на 375.448.000 кр., скота — 535.886 штук на 601.915.824 кр., свиного сала — 315.142 кв. на 365.955.000 кр., а всего на 2.579.645.824 кр. ч.

Данные других лет весьма немногим расходятся с данными 1926 г. Отсюда видно, что Чехословакии из с.-х. продуктов не хватает пшеницы, немного ржи и кукурузы, а также скота, которые она вынуждена ввозить. Но вместо этого Чехословакия вывозит ячмень, солод, хмель, переработанную в сахар свекловичную, пиво, лес и в таком количестве, что общий итог вывоза превосходит общий итог ввоза на сумму в 1.598.724.176 кр.

С.-х. население Чехословакии, процент которого к общему количеству населения Республики составляет 39,40%, снабжает, за малыми исключениями, население всей Республики необходимыми питательными продуктами, а недостающие же продукты получает из-за границы в обмен на продукты тоже с.-х. производства с положительным для себя перевесом. С.-х. население России в настоящее время составляет около 75% всего населения, т. е. отношение с.-х. населения к общему числу населения России вдвое больше, нежели в Чехословакии, а, между тем, на население России надвигается вновь трагедия голода.

Такая колоссальная разница в производстве с.-х. населения Чехословакии и России вовсе не заключается в том, что в России сейчас почти нет крупных зерновых хозяйств, к созданию чего направлены помыслы коммунистической власти. Чехословакия за эти же годы своей самостоятельности произвела земельную реформу, которая тоже, как и русская революция, уничтожила крупное землевладение, а, между тем, производительность с.-х. населения не пала и не падает, а, наоборот, повышается, и это повышение идет даже во время самого процесса перестройки форм землевладения.

Самая же перестройка шла и идет следующим образом: по закону 11 июня 1919 года в октябре 1919 г. создано Государственное Земельное Управление и окружные земельные управления с комиссариатами и чиновниками при них на местах. Эти учреждения сначала произвели опись «забираемого» от владельцев имущества. В опись вошлись имения, имеющие более 250 гект., а также и все с.-х. промышленные заведения, находя-

щется на забранной земле. Собственников с площадью более 250 гект. оказалось 1.730 чел. с общей земельной площадью в 3.963.054 гект. Пахотной земли из этого общего количества оказалось 1.229.688 гект., лесных и иных земель — 3.733.376 гект.

До октября 1927 г. было приделено пахотной земли 462.733 гект., остальной 91.973 гект., всего 554.776 гект. Общества и уезды из всей этой распределенной земельной площади получили 14.479 гект., на мелкое наделение пошло — 429.342 гект., на «остатковые» имения — 132.139 гект. «Остатковых» имений было образовано до октября 1927 г. — 1.572; К октябрю 1928 г. в наделение ушло 1.246.000 гект., из них 752.000 гект. пахотной земли, а 494.000 гект. остальной. Больше чем $\frac{1}{2}$ миллиона гект. пахотной земли ушло на мелкое наделение, которое, таким образом, получает относительно большую часть пахотной земли.

«Остатковые» имения образуются для использования промышленных предприятий, находящихся на забранной земле, а также и для использования имеющихся построек с.-х. значения. При мелком наделении преследовалась цель сделать мелкие хозяйства самодостаточными. В 1928 г. наделение земель, за некоторыми исключениями, должно быть закончено. Начата работа по составлению земельного кадастра, составление которого даст новым владельцам земли уверенность в том, что мера наделения не есть мера временного характера.

Несмотря на стремление государства при этой реформе дать «остатковые» имения различным организациям и кооперативам и на стремление к образованию «неделов», т. е. таких самодостаточных хозяйств, где мог бы быть вменен труд всей семьи, но с обязательством в будущем недробить участки, так как собственность на такие недели существенно ограничивалась, население не пошло на такие условия. Все — как и рабочие бывших имений, мелкие крестьяне и пр., все стремились получить землю в возможно полную собственность. Поэтому «недели» не удалось, как не удалось и коллективные хозяйства на «остатковых» имениях, которые тоже в результате перешли по большей части к отдельным лицам*). Но государство все же довольно сильно ограничило право распоряжения надельной землей: продавать и сдавать в аренду полученную в наделение землю можно лишь с согласия Государства. Земельного Управления, владелец обязуется на своей земле разумно хозяйствовать и пр., в противном случае государство может землю отобрать.

За отбираемую землю государство дает вознаграждение по особой таблице цен, иногда с довольно большими скидками, доходящими до 40%, если размеры земли окажутся выше 1000 гект. или, если земля окажется в запущенном состоянии. Земельная реформа поставлена на принцип самокупаемости. Получающие землю должны оплатить государству ее стоимость, прибавив к этой сумме расходы по проведению земельной реформы, плюс 15% в колонизационный фонд, всего цена наделения составляет 42% цены выкупа. Получающим в наделение землю государство через Г. З. У. до 1928 г. отпустило 379.985.876 крон кредита. Кроме того надельники получили через посредство Г. З. У. от разных банков за это время 139.444.430 кр. кредита. Всего надель-

ники через Г. З. У. получили 519.430.306 кр. кредита.

Высота производительности с.-х. населения, конечно, зависит от степени культурного уровня населения. Для суждения о культурном уровне с.-хоз. населения Чехословакии достаточно привести цифровые данные о количестве начальных школ, высших начальных школ, специальных с.-х. учебных заведений. Средние учебные заведения и высшие, помимо с.-х., конечно, имеют значение для поднятия культурного уровня с.-х. населения, но они не дают характерных признаков, по которым можно было бы судить о степени их влияния. Высших начальных училищ во всей Чехословакии насчитывалось к 1926—27 г. 1.738 с 7.631 класс. в них и 310.010 человек учащихся. Начальных школ в то же время насчитывалось 13.958 с 33.560 класс. в них и с 1.405,820 чел. учащихся. Процент учащихся только в одних начальных школах к общему числу населения выше 10%, тогда как процент учащихся во всех учебных заведениях России в 1926 году, считая в том числе учащихся высших, средних и низших школ, равнялся 7,07%.

Но сельское население Чехословакии кроме этого пользуется еще и услугами специальных с.-х. школ, которых в Республике в настоящее время насчитывается 272. С 1918 г. по 1928 г. количество с.-х. учебных заведений увеличилось, помимо высших, с 160 до 266, т. е. на 106 школ. 24 школы из этого числа были устроены государством, а остальные 82 — самоуправлениями земель. Из общего количества с.-х. школ высших учебных заведений имеется 6, академий — 1, высших хозяйственных — 14, низших хозяйственных — 167, специальных высших кооперативных — 1, луговых — 2, молочных — 3, по винокурению — 1, рыбоводству — 1, мелиорации — 2, садоводству и огородничеству — 2 высших и 9 низших, женских хозяйственных школ — 52, лесных высших — 4, лесных низших — 7. Количество учащихся в с.-х. школах с 17.574 человека в 1918 г. возросло до 19.519 человек в 1926—1927 уч. г.

Кроме этого, согласно закона 29 января 1920 г., было приступлено к организации народных хозяйственных школ для деревенских подростков, окончивших начальные школы и не могущих по тем или иным причинам учиться в специальных сельско-хозяйственных школах, средне-учебных заведениях и т. д. Эти народные хозяйственные школы должны быть дополнительными школами для сельской молодежи; целью их закон ставит: 1) углубить общее образование деревенской молодежи, 2) расширять и дополнять земледельческие знания, 3) подготовить к дальнейшему сельскохозяйственному образованию, 4) подготовить к возможности посещения низших с.-х. школ. В 1927—28 уч. году таких школ было уже 871 с 1348 классами в них и с 40.338 учащ., из которых 18.152 было юношей, а 22.186 дев.

Кроме сети школ, в которых сельское население получает общее и с.-х. образование, из деятельности культурно-просветительного характера нужно отметить законы, изданные вскоре после завоевания самостоятельности о заведении в течении ближайших лет в каждой деревне библиотеки. Большую культурную работу среди сельских масс продельвает объединение культурных деятелей и друзей просвещения сельского населения, заложенное в 1921 году под названием «Свободное учение сельское». Это объединение имеет центр в Праге и отделения в землях. Отделения устраивают высшие курсы для деревни и издают книги для сельского населения. Центр

*) О «неделях» см. в статье С. С. Маслова «Сульба частной собственности в аграрных реформах по-военной Европе» в «Вестн. Кр. Р.» 1927 г., № 10, стр. 32. Земельной реформе в Чехословакии была посвящена обстоятельная статья А. Челинцева в № 8-9 сборн. «Крестьянск. Рос.» (стр. 124-144).

издает ежемесячник «Борозда» и библиотеку настольных книг для сельского населения.

Вслед за образовательными учреждениями другим немаловажным фактором, влияющим на производительность сельского населения, является сельск. кооперация, в настоящее время вся объединенная в «Центрокооперативе», Союзе союзов, в который входит 12 краевых союзов, в свою очередь объединяющих к 1 января 1928 г. 9.586 сельск. кооперативов с количеством членов в 1 милл. человек. В Центрокооперативе объединены как чешские, так и словенские, немецкие, польские и русинские кооперативные организации.

Наибольшее количество сельск. кооперативов относится к группе кредитных, их к концу 1927 г. было 5.327. В 1919 г. их на территории Республики было 3.798, прирост за эти годы в 1.529 кооператива. Вклады к концу 1927 г. кредитные кооперативы имели на сумму $5\frac{1}{2}$ миллиардов крон.

Складочных кооперативов к концу 1927 г. было 382, оборот их достиг 2 миллиардов кр. в год. К этому же времени 372 молочных кооператива отбирали от своих членов 200 миллионов литров молока, которые и перерабатывали кооперативные молочные. К началу 1928 г. было 256 крахмальных и винокурных заводов, 34 кооп. сушилен цукорья, 57 кооп. мельниц и пекарен, 48 льноводческих кооперативов и, наконец, 1.270 машинных кооперативов и кооперативов по снабжению сельского населения электрической энергией. В настоящее время организуются кооперативы по сбыту скота и птицы, по улучшению скота и птицы и, наконец, пастбищные товарищества. Прирост всех с.-х. кооперативов, помимо кредитных, за годы самостоятельности выразился в сумме 1.886 кооп. (с 2.373 в 1919 г. до 4 25 в конце 1927 г.).

Объединенная в одном центре независимая от государства сельская кооперация является могучей силой, которая оказывает колоссальное воздействие на производительность сельского населения в сторону повышения ее, в сторону более энергичной работы всех производительных сил деревни. Кредитные кооперативы фактом своего нахождения в народной гуще воспитывают у народа склонность к сбережениям. Излишки средств отдельных кредитных кооперативов, немогущие быть использованными на местах, поступают в союзы, от которых они растекаются по складочным, промышленным и пр. кооперативам, нуждающимся в средствах для своих оборотов. Эти средства они и получают от союзов на более выгодных условиях, нежели из каких либо иных источников. Таким образом все материальные ресурсы деревни участвуют в производстве новых материальных благ к взаимному удовлетворению тех сил, которые дают их и тех, которые их получают.

Но все же как ни высока относительно производительность сельского населения, как ни энергично работали все производительные силы деревни, как сравнительно и не высок культурный уровень сельского населения, как ни мощна сельская кооперация, а все же еще недавно сельское хозяйство переживало глубокий кризис и, если бы не нашлось среди сельского населения сил, которые сумели организовать и направить энергию сельского населения на преодоление этого кризиса мы навечно в настоящее время были бы свидетелями жестокого обнищания сельского хозяйства Чехословакии и за ним и глубокого кризиса всего народного хозяйства.

Кризис этот заключался в несоответствии таможенных пошлин на промышленные товары и на товары с.-х. производства. Для охраны сбыта

предметов промышленного производства, выработанных промышленными предприятиями Чехословакии, были после войны установлены непомерно высокие пошлины на такие товары, ввозимые из заграницы, иногда доходящие до 100% цены и даже выше цены товаров. Кроме того, чтобы поощрить вывоз предметов промышленного производства были установлены премии на вывоз за границу, пониженные железнодорожные тарифы и т. д. На предметы же с.-х. производства таможенные пошлины после войны повышены не были. Кроме того, многие районы с.-х. производства в отношении железнодорожного тарифа были поставлены в более невыгодное положение, нежели товары, привозимые из заграницы. Сельское хозяйство поэтому сразу оказалось под двойным ударом. Один удар наносила своя же промышленность, которая, пользуясь высокими таможенными пошлинами, могла назначить несоответственно высокие цены на свои товары, а другой — конкуренция из заграницы.

Сельское хозяйство, незащищенное покровительственными пошлинами, было открыто для конкуренции заграничного ввоза. Заграничные предметы с.-х. производства, вследствие более дешевой стоимости самого производства, падения валюты (Венгрия, Румыния, Польша) и сравнительно высокого стояния чешской кроны, были значительно дешевле, нежели предметы с.-х. производства Чехословакии, которые сельское население вынуждалось продавать по ценам для себя разорительным. С другой стороны, оно должно было покупать предметы промышленного производства по ценам непомерно высоким. Поэтому сельское хозяйство в первые годы самостоятельности переживало глубокий кризис.

Силой, которая организовала сельское население и повела его по пути преодоления кризиса, явилась Республиканская партия земледельческого и малоземледельческого населения. Заложившая в 1899 г., она перед войной уже завоевала такое положение, что сумела провести в 1911 г. в австрийский рейхстаг 37 депутатов. За несколько лет самостоятельного существования Чехословакии земл. партия сумела привлечь к себе громадное количество сельского населения сумела доказать, что только в объединенной и организованной работе можно найти выход из того тяжелого положения, в котором очутилось с.-х. В 1925 г. партия по числу своих членов в парламенте стала сильнейшей партией. Там она сумела провести законы, уравнивающие таможенные пошлины и тарифы на предметы с.-х. производства с пошлинами и тарифами на предметы промышленного производства. Во главе правительства Чехословакии до сих пор стоит один из лучших работников партии и один из лучших государственных деятелей Чехословакии, А. Шверла.

Схематическое строение республиканско-земледельческой партии таково: основанием партии являются местные сельские организации, в которых могут состоять мужчины, женщины и подростки, земледельцы, владельцы домов, работники, сельские ремесленники и промышленники и деревенская интеллигенция. На общих собраниях все члены выбирают председателя, заместителя председателя и казначея, а также несколько членов правления в зависимости от количества членов партии в данной местной группе. Председатель ведет организационную работу, сносится с уездной организацией, заботится о составе собрания, устройстве лекций, распространении партийной литературы, соблюдении дисциплины членами партии и проч. в общем, заботиться о том, чтобы группа не являлась силой на бумаге, но

действительно живой и действующей силой. Во время его выбытия его заменяет заместитель. Казначей ведет списки членов, собирает взносы и пр. Всё правление группы заботится о распространении программы партии в своем районе, участвует в работах по выборам в парламент, в общественное, уездное и проч. органы, самоуправление и т. д. Высшими партийными организациями, стоящими над уездными, являются окружные, за ними исполнительный комитет партии, высший ее орган.

Партия развернула колоссальную культурную и организационную работу. Она издает 6 ежедневных газет, 33 еженедельника, 3 ежемесячника, массу брошюр и книг по отдельным вопросам. Партия заложила в 1924 году чехословацкую земледельческую академию, заботящуюся о систематической научной организации духовных сил деревни и сосредотачивающую в себе иссле-

дователей, публицистов и практиков земледелия. Основанное в 1919 г. Земледельческое Объединение, задачей которого является представлять от имени с.-х. и сельского населения и заботиться о прогрессе с.-х. и сельского населения, устраивает ежегодные с.-х. выставки.

Партия организовала безземельных и имеющих небольшое количество земли в их «Домовине» с целью такого хозяйственного их воспитания, чтобы они давали в своем производстве наибольшие результаты. Она же организовала для культурной работы в деревне и для работы по самообразованию и воспитанию деревенских подростков «объединения республиканской сельской молодежи», организовала объединения учителей и чиновников, работающих в селе, организовала инженеров, юристов, ветеринаров, принадлежащих к партии в особые объединения.

Ив. Егоров.

В России.

Голоса с родины.

О программе «Крестьянской России».

На-днях состоялось небольшое обсуждение вашей программы. Разумеется, число участников было невелико — всего несколько человек, все исключительно интеллигенты. Состав участников я не считаю типичным для интеллигентских настроений, кроме того, по моему впечатлению, на обсуждении сказались отсутствие соприкосновения членов совещания с хозяйственными задачами и экономической действительностью.

Объединили всех три положения: 1) необходимость создания классовой крестьянской партии, 2) широко демократическая организация власти с гарантиями неприкосновенности и свобод личности в будущем устройстве и 3) необходимость исходить в построении программы в возможно большей степени из существующего и усвоенного положения вещей.

Было высказано мнение, более или менее разделенное всеми, что первая часть «Идеологических положений» носит несколько схоластический характер и, хотя по существу возражений против нее не встречается, но именно такое, а не иное понимание свобод не должно быть обязательным для члена данного политического объединения, тем более, что кое-кого способно просто испугать употребление терминов старо-либеральных. Я стоял на той точке зрения, что партия объединяет своих членов программой — реальными целями и планом их достижения, но она не должна (как это с наибольшей яркостью встречается у большевиков и встречалось у с.-р.) навязывать людям единство миросозерцания или хотя бы даже единство понимания социологических процессов, а потому всю идеологическую часть я считаю просто необязательной.

По поводу программных положений об организации власти все сошлись в том, что в настоящее время желательно не входить в детали, твердо подчеркнув только демократизм и такие, на советском опыте познанные крестьянством требования, как равное и тайное избрание органов власти.

Не знаю, понятны ли вам мотивы этого. Так как у нас нет совершенно ничего, то мы не будем предъявлять максимальных требований и расколоться из-за деталей. Огромным завоеванием было бы всеобщее, равное и тайное избрание даже существующих советов и быть может из него всего

целесообразнее исходить, но если историческим ходом вещей будет выдвинута единоличная власть, например, выдвинувшегося в военной власти лица, в порядке парламентаризма ограничиваемая собранием народных представителей, то и против нее не будет особых оснований возражать.

Здесь в разделе программы следует быть может даже больше, чем это сделано у вас, подчеркнуть необходимость, уже ощущаемую и крестьянством, в неприкосновенностях и свободах. Неприкосновенность жилища и невмешательство власти в домохозяйство, во внутрихозяйственное распределение благ и труда, а также свобода объединений (политических, религиозных и хозяйственных) в значительной степени уже осознаются крестьянством.

Из следующих разделов программы наибольшие возражения вызвала земельная политика. По моим впечатлениям именно эти возражения нехарактерны для нашего времени и среды, и от спецов, вплотную соприкасающихся с экономической политикой, я слышал нечто диаметрально противоположное.

Возражения были направлены главным образом против допущения программой частной земельной собственности и отчуждения земельных участков.

Указывалось, что эта мера окажется в противоречии с интересами крестьянства в целом, приведет к обезземелению его беднейшей части, к расслоению всего класса на враждебные группы и еще сомнительно стимулирует ли она усиление производительности. В настоящее время препятствием к усилению продукции крестьянского хозяйства является не отсутствие собственности на землю, а совсем другие причины (налоги и регулирование цен), и крестьяне никогда не жалуются на невозможность свободно отчуждать свои участки.

Ваш исходный пункт в виде современного земельного кодекса все признали безусловно правильным, и в конечном счете все согласились на том, что целесообразнее и осторожнее расширять устанавливаемое им право на землю вплоть до ограниченной и контролируемой государством собственности, нежели, провозгласив собственность, начать ее ограничивать и урезать, поскольку она вызовет опасные социальные тенденции.

В связи с этими положениями были высказаны жалобы на неясность программы в области

ее отношения к дифференциации крестьянства; того, на какой из слоев собирается опираться проектируемая крестьянская партия. В частности, была выражена прямая просьба к вам высказаться возможно яснее по этому вопросу. Часть присутствовавших считала таким базисом крестьянское хозяйство, основанное на собственном труде и лишь на краткие сроки принимающее рабочих, но было высказано мнение о неизбежности стимулирования и поддержки более капиталистических форм (с большей ролью наемного труда) в целях поднятия производства обнищавшей страны.

Дальнейшие пункты программы за недостатком времени не обсуждались по существу. Отмечено было только при единодушном согласии всех, что пункт о государственной поддержке религий и базировании государственной школы на религиозных элементах непременно должен быть уничтожен. В наших условиях он вызывает полное недоумение, заставляет насторожиться и даже отталкивает людей — примеры этого у нас перед глазами. Вы должны знать, что и наши церковнические группы считают спасением церкви ее освобождение (отделение от государства) и не стремятся к возвращению в его лоно. Рост и углубление религиозных течений (православных, католических, сектантских, теософских) требует только ясной и безограничительной формулировки в программе полной и честной религиозной терпимости и невмешательства государства в эту область.

Ваша «тактика» всеми была найдена слишком уж отдающей «эмигрантщиной», целиком пропитанной условиями вашего, а не нашего существования.

Совещание закончилось пожеланием иметь литературу как можно больше и разнообразнее. Повторяем в сотый раз, что это сейчас самое главное.

Июнь 1928.

Натиск на интеллигенцию.

Настоящий период характеризуется новым натиском власти в смысле духовного порабощения. Вы, вероятно, следите за этой кампанией по газетам, нам же приходится выносить ее на собственных спинах. По всем культурным учреждениям, начиная с Академии Наук, через музеи, театры и до нижней школы включительно прокатывается волна сначала газетной травли, где доносительство о прошлом искусно соединяется с безответственной клеветой о настоящем, затем рабоче-крестьянских ревизий, на которых выскиваются все обиженные враги и профессиональные доносители и на их показаниях строится характеристика деятельности учреждений. Следующим этапом должно быть очищение от «старых элементов» и «обрабочение» состава сотрудников, но до этого пока мало где доходит. Думаю, что везде вряд ли и может дойти без полного разрушения всего аппарата культурной работы, но мера эта держится в запасе для устрашения и приведения в полное повиновение и без того запуганных интеллигентов.

Чем именно теперь вызван этот новый поход сказать трудно, но свидетельствует он, конечно, не о крепости, а о беспокойстве, подозрительности и нервном бросании власти. Ее беспокоит и огромный рост сектантства и религиозных организаций, для искоренения которых школа опять призывается ж провалившейся уже столь блестяще активной антирелигиозной пропаганде. Ее тревожит дух индивидуализма и идеализма, и она с усердием, достойным героев популярнейших детективных романов, разыскивает подпольные ор-

ганизации, созданные для чтения Канта и получающие английское золото на пропаганду идеализма. В балетной постановке, происходящей на глазах у всех и получившей санкцию всех контрольных правительственных комиссий, она вдруг обнаруживает тенденции, противные коммунизму, и громко кричит об «измене». Не будучи в состоянии выносить духа элементарной независимости мысли лояльнейших по своей деятельности научных организаций, некто партийный вдруг начинает выуживать из их состава безобиднейших бывших статских советников, вопя, что в них все зло и что им не может быть места в советском строительстве.

Мы знаем, что эта истерическая нервность должна быть отнесена за счет внешних и внутренних неудач и стремления свалить их на чью-нибудь подвернувшуюся здоровую голову. Но при той решительности, которой всегда обладала советская власть и которая кульминирует в правление Сталина, все эти бросания оказываются чрезвычайно разрушительными.

Интеллигенция должна была бы проявить большую выдержку, сплоченность и мужественную стойкость в этот период. И тогда она могла бы отворотить эти разрушения. Но вы знаете, что — в силу многих и многих причин — именно этого-то нам и не хватает. Интеллигенты разъединены прослойками насажденного сыска, лишены всех средств массового общения, отрезаны от свободной прессы и общественного мнения других стран. На русской зарубежной печати лежит обязанность внимательно следить хотя бы по советским газетам за новым походом удушения культуры, растолковывать иностранцам смысл происходящего, подхватывать те слабые и придушенные голоса протеста, которые могут исходить от нас.

Финансовый и продовольственный кризис дают себя чувствовать усиленно. В результате первого проходят невозможные и нелепые сокращения смет и штатов. В результате второго — едва ли не всюду за исключением столиц введено нормированное потребление хлеба (круп вовсе нет), а кое-где распределение его по карточкам. Масла же нет даже в столицах.

Из Харьковской и Томской губерний имею *проверенные* сведения о вооруженных столкновениях с крестьянством и крестьянских восстаниях. *Слуги* же говорят о волне восстаний, прокатившейся по всей Украине и Сибири.

Ленинград. Август 1928.

Аресты в Академии Наук.

В ночь с 16 на 17 июля среди исследователей и технических работников Академии Наук ГПУ произвело обыски и аресты. Арестовано 11 человек. Они находятся в тюрьме и до сего времени. Ходит два объяснения причин этой «выемки» ГПУ. По одной арестованным вменяется в вину их, предполагаемый ГПУ, активизм в связи с выборами новых академиков. Было известно, что РКП решило приложить все усилия, чтобы новые академики выбирались не только — вернее, не столько по их научным заслугам, но и по «общественным», причем в понятие «общественных заслуг» входили лишь заслуги перед «советской общественностью». Само собой разумеется, что заслуженными в этом смысле признавались только лица, мировоззрение которых было чудно уклонено в сторону «идеализма», «индивидуализма», «романтизма» и прочих «жушелов». Было ясно, что РКП нажмет все педали, чтобы добиться выбора «теоретиков» и «практиков» ленинизма. Эти известия со-

проводились естественным волнением среди академиков, исследователей и интеллигентной части технических служащих. Волнения носили, конечно, разговорный характер. ГПУ, однако, получило сведения о том, что часть работников Академии Наук будто бы намеревается перешагнуть за грань разговоров. Эта часть хотела будто бы выпустить специальное обращение к русскому обществу и даже обратиться с воззванием к ученым Западной Европы и Америки. Сведения об этом «заговоре» против «советского отечества» дошли до ГПУ, и оно поспешило вмешаться. Указывают, что ГПУ среди «заговорщиков» были известны и академики, но их оно не тронуло, предполагая, что для ликвидации «заговора» достаточным будет арест людей без громких имен. Аресты среди академиков считались прямо нежелательными, так как они создали бы впечатление давления на «свободные» выборы наших будущих «бессмертных». Ограничились поэтому только *допросом* академиков. ...Такова одна версия. Мне лично она представляется гораздо более вероятной, чем вторая. Перед тем, однако, и вторую. Некоторые работники Академии Наук, оставшиеся на свободе, при допросах в ГПУ очень сурово и настойчиво вопрошались о якутском восстании 1927 года и об отношении к нему якутской экспедиции Академии Наук. Это дало повод к появлению второго объяснения арестов: утверждали, что причиной арестов являются подозрения ГПУ якутской экспедиции в содействии якутскому восстанию. В «стране неограниченных возможностей» является, конечно, все возможным — даже возникновение такого подозрения. Может быть, и в самом деле одиннадцать человек обысканы и арестованы потому, что четверо среди них участвовали в экспедиции, после которой, по домыслам ГПУ, якуты решили превратиться в «суверенное государство» под протекторатом Соединенных Штатов Северной Америки.

Ленинград. Октябрь 1928.

С русско-польской границы.

Обстановка сейчас до крайности трудная: месяца полтора назад значительно усилилась деятельность и надзор ГПУ. Всюду кипит шпионы. Такого положения еще никогда не было. ...С пересылкой литературы пока все обстоит благополучно. Она проникает до А., Б. и В. Имею об этом подтверждения. Сделана попытка к отprawке в Г. и Д. Спрос на литературу заметно усиливается, правда, только по городам и со стороны интеллигенции. Заметно увеличение озлобления против эмиграции со стороны рабочих и отчасти крестьян, особенно молодежи — повидимому, это влияние последних процессов против спецов.

...Всюду идут разговоры о близкой войне с Польшей, причем ждут нападения со стороны Польши. Войны население боится, хотя слышны и такие разговоры, что если уж воевать, то надо дружно идти на защиту Родины. Установить, однако, общее настроение невозможно — чувствуется пока полный сумбур... Пессимистически настроены рядовые коммунисты: ими владеет страх и боязнь за будущее... В Киеве идут разговоры о формировании украинской армии (белой)... На Украине усилился заметный террор и сыск, всюду идет поверка документов, участились обыски и аресты. Усиливается великорусское влияние — очевидно, в противовес украинскому шовинизму и сепаратизму. Много перемещений среди ответственных работников. В июле в восточной части Украины было много случаев смещения и полного удаления от работы ответственных комму-

нистов. Утверждают, что смещенные находились в связи с украинской эмиграцией и вели сепаратистскую работу. Официальных сообщений в этом смысле не было, но среди «щирых» заметна усиленная деятельность — ожидают больших событий и, как будто, в скором будущем. Заметен усиленный приток денег и подъем настроений. В связи с приемом в польскую армию нескольких десятков украинских офицеров и назначением многих из них в пограничные районы, а также в связи с формированием в составе польской армии украинских национальных частей (на подобие того, как было во время войны в армии австрийской), украинцы определенно готовятся к военным действиям.

Август. 1928.

Расстрел за разговоры.

Письма и показания лиц, как ездивших в Россию, так и приезжающих оттуда, единодушно утверждают, что волна красного террора снова заливают Россию. В противоположность прежней тактике ГПУ, теперь идет «тихий» террор — о его проявлениях не публикуется. Не сообщает ГПУ и о расстрелах, но они идут, совершаются в больших размерах и нередко по ничтожному поводу. Приводимый дальше случай может служить красочной иллюстрацией к основаниям, которые в настоящее время оказываются достаточными для расстрела.

В конце сентября расстреляна ГПУ в Петрограде Екатерина Павловна Х., вдова погибшего в 1919 г. в Сибири капитана л.-гв. Преображенского полка.

Оставшись после гибели мужа с маленьким сыном и старухой матерью на руках, покойная в глухом уездном городке центральной полосы России зарабатывала себе средства к существованию упорным тяжелым трудом, целый день бегая по урокам, а вечером играя на рояли в кинематографе. Переселившись в Петроград, покойная и там продолжала тянуть тяжелую жизненную лямку. В одной квартире с ней, среди других жильцов, поселился какой-то партиец. Познакомились. В разговорах за чашкой чая покойная совершенно свободно высказывала свое отношение к власти насильников. Партиец выслушивал и поддакивал. Потом предложил молодой вдове руку и сердце, но был с негодованием отвергнут. Решил отомстить, пошел в ГПУ и донес о слуханном за чашкой чая. В результате — арест, восьмимесячное томление в застенке и мученическая смерть.

Мир праху невинно умученной, вечное проклятие палачам!

Ноябрь, 1928.

В воздухе пахнет грозой.

Моя работа здесь медленно, но неуклонно расширяется. Осенью будут ячейки в вузах. Надо работать: события нарастают быстрее, чем можно было ожидать: волна забастовок и справедливое возмущение рабочих в связи с «нигде не осуществленным» семичасовым рабочим днем, озлобление крестьян и острый недостаток хлеба в провинции (в столицах он тоже дает себя чувствовать), растерянность в Москве и острая борьба в ЦК между рыковцами и сталинцами, Шахтинское дело — знак бессилия и двойственности построения на верхах, усиление деятельности оппозиции, в Москве ряд арестов среди достаточно крупных партийцев внешне «верноподданных», а на деле работавших в оппозиции: печатание в гости-

пографии листовок и т. п., тяжелое международное положение и затруднение СССР в области экономической и финансовой в частности (начало инфляции), ряд других событий и признаков — разве всего этого мало для того, чтобы в сегодняшнем дне видеть канун неизбежного.

В воздухе пахнет грозой; гром грянет скорее, чем многие думают. Это будут страшные дни. 1917—19 годы покажутся детской забавой. Лишь бы оказалось достаточно организующих сил, чтобы своевременно ввести стихию в русло. Не хочу верить, что возможен, как результат этого, распад и гибель страны. Через потрясения и кровь, но Россия должна выйти на путь свободы, на дорогу всестороннего развития и разворачивания всех своих творческих сил.

...Литература нужна, как воздух.

Москва. Август, 1928.

Из крестьянских писем*).

В деревнях России.

1.

В моем районе большевики десятки раз обещали задавить деревенскую «контр-революцию» и давили; но задавить не удается, ибо «контр-революция» это — сама жизнь. За время диктатуры РКП перебито было много дорогих родных и друзей — до 300 человек, и все-таки воля к борьбе не убита, оставшиеся в живых духом не падают. Теперь вот убили селькора Т. Знал я его. Оторвался он от родной среды и предался крестьянский сын крестьянским врагам. И как он был жалок, как представитель правящих, во враждебной среде: его много раз били, и ниоткуда помощи, и даже на Голгофу смерти его завлек близкий родственник... Коммунисты назначили расследование и теперь арестовано восемь человек крестьян. Процесс этот очень популярен — о нем страничку исписывает местная совпресса, нам о нем пишут в частных письмах за двести верст от места убийства. Лживая печать кричит благим матом, что арестованные по подозрению в убийстве — кулаки. Это — чистая ложь, которая убеждает меня, что «кулак» в России это категория не экономическая, а чисто политическая. Обвиненные не кулаки и не были кулаками, все они — середняцкий молодец. Один из них состоял даже в комъячейке, но, видимо, был исключен... Было в этом селе наше влияние; о нашей партии там, во всяком случае, знали. Самое убийство — дело маленькое, а вот расплата за него... Я глубоко убежден в том, что всякая весть о крестьянской партии возбуждает волю, политически оживляет крестьян, и это оживление будет стихийно прорываться в физическом активизме. А в результате жертвы... Нужно напрочь все усилия для политического руководства крестьян. Нам правильно пишут: «восемь человек у нас совсем изъятые и только за то, что раз на всегда убрали селькора Т. Все это дело было не совсем выдержано, за что придется беднякам поплатиться. С очевидностью вытекает необходимость для живого руководства над нами и наставления. В этом теперь весь вопрос». Да, в этом главный вопрос, потому что на фронте крестьян с коммунистами произошли не малые события. Доносятся слухи о сельских восстаниях и о беспощадном подав-

нии. Опять накаплиются повстанческие кадры из людей, которым возврат домой невозможен. Настроение накаляется, и у нас требуют советов и указаний, что же делать? Нужно считать, что теперь момент не только для агитации, но и для руководства начавшейся активностью. Революционная раскачка началась, и она может опередить все предположения. Больно и плохо будет, если этой стихии не будет дан организованный путь... У нас есть люди для посылки вглубь и работы, но пропадают зря — нет денег.

Август 1928 г.

2.

Из СССР вернулся наш друг из командировки по делам Трудовой Крестьянской Партии. Его еще не видел — у него не хватило средств доехать к нам; решил заработать на дорогу, но проработал два дня, заболел и прислал только письмо и доклад... Идеология наша по ту сторону вызывает полное сочувствие. Если там и возникают крестьянские организации (по тамошней инициативе), то они тождественны с нашими устремлениями. Если и есть расхождения, то они, главным образом, в тактике борьбы — там настроения физической и экономической мести власти... Посланцу говорили, что на местах самотеком идет организованная работа, совпадающая с нашими планами и задачами. Так, например, посланцу сообщили, что имеется организация крестьян — называемая «Пазарь», хотя и подвергнувшаяся уже удару ГПУ, но продолжающая не только существовать, но и стихийно разрастаться... Привожу дальше выдержки из доклада.

«В результате трехнедельного нахождения моего на территории СССР удалось организовать две ячейки нашей партии, из коих одну в городе, а одну в деревне. Руководители ячеек хорошо знают друг друга и будут контактироваться в работе. Литературу распределил между ячейками... Основую политической работы в деревне власть положила давление на кулака и поощрение на бедноту. Принимаются все меры посеять вражду между этими группами. В этом направлении власть имеет кое-какие результаты, но окончательно разделить деревню на два враждебных лагеря не удается, так как до 70% крестьян середняки, их стремления по экономическим причинам больше склонны в пользу зажиточного крестьянства и середняки служат регулирующей силой... Экономическая политика власти в деревне проводится в следующем: 1. Увеличение налога за счет «кулака», но снижая с середняка и освобождая бедняка; 2. Хлебозаготовка в губернии увеличена по сравнению с прошлым 1927—28 годом на 15%, несмотря на уменьшение общей посевной площади в настоящем году на 12%. В счет увеличения заготовок входит и то, что крестьянам говорят: зерно на семена оставлять не надо, так как подвезется из центра хорошая культура; 3. Сбор недоимок за 1927 год; 4. Проведение работы по самообложению и усилению госстрахования; 5. Проведение 2-го займа индустриализации; по плану деревня этой губернии должна принять на себя до 3 миллионов рублей; 6) Усиление организации колхозов, так как в настоящее время из 190 коммун и артелей, несмотря на различные поощрения и освобождения от налогов, существует 49, а 141 погибли; 7. Учет утаек, которых за текущий год обнаружено по советским данным очень большое количество; утайщики обкладываются громадным штрафом.

Экономический кризис весьма острый и цены на продукты все прыгают вверх. Картошка на рынке уже 1 р. 50 к. и 1 р. 60 к. за пуд, мясо до-

*) Язык писем сохранен, этимологические ошибки исправлены. Редакция.

ходит до 40 коп. фунт *), белого хлеба совсем нет, и в городах выдают только черный и то в ограниченном количестве, а за ним собираются хвосты в 400—500 челсебк, мыла в продаже совсем нет».

Октябрь 1928.

Из писем крестьянина-эмигранта 1928 года **).

1.

Живу в Н. Приспособляюсь к новой обстановке — к положению работника. Первые дни многое задевало, но постепенно втягиваюсь. Сегодня праздник, и я имею свободное время; могу писать вам и пишу, ибо, как мне кажется, мы находимся в одной идейной плоскости, одним воздухом дышим. В будущем, может быть, будем крепко спаяны работой на общей платформе для блага крестьян и Родины. Платформа «Крестьянская Россия» вполне отвечает духу времени, настроениям и порывам фундамента России — крестьянства. Она — действительна и будет популярна среди интеллигенции крестьянской. А в массах получит горячий отклик за разумное разрешение хозяйственных вопросов, давая полную свободу и создавая необходимые условия для полнейшего развития хозяйства. Крестьянство Руси выбито революцией из былой колеи «смертного сна», на его хребте разыгралась и разыгрывается небывалая по своим размерам ужаса в истории человечества драма. И это заставило крестьянство цепляться за руль государственной машины, стремиться овладеть ей. Но пока оно будет политически не оформлено и не организовано, до тех пор оно будет бессильно биться в цепких лапах ГПУ. Этим пока ограничусь. Быть может, наступит время *дела*, а не слов. Дай Бог поскорее!

Июль 1928 года.

2.

Крайне тронут вашим приветствием. С полным сознанием громадной нравственной ответственности даю свое согласие на вступление в ряды трудовой крестьянской партии. Идеиные обоснования и тактика партии вполне удовлетворяют меня и вполне соответствуют духу времени. По моему глубокому убеждению, с платформой партии будет согласна наиболее активная, наиболее сознательная часть крестьянства, так как она не только демократична, но и прогрессивна в данных условиях России. О наблюдениях современной жизни крестьянства, его помыслах и лихорадочных ожиданиях крестьянства буду писать понемногу, всего сразу не напишешь, да и времени свободного мало в моем распоряжении.

Прежде всего о соотношении сил и группировок внутри крестьянства... За последние годы многое тут изменилось: кто был в 1920 году со-

*) Сведения автора относятся к району развитого скотоводства. Редакция.

**) Автор письма — крестьянин по происхождению. Окончил в уездном городке школу второй ступени и из нее снова вернулся в деревню. В школе входил в тайный политический кружок, который составлял и распространял противобольшевистские воззвания среди красноармейцев и крестьян. Вскоре после окончания школы, автор примкнул к одному партизанскому отряду, борющемуся с коммунистами во имя демократической республики. Организатор и начальник отряда был убит, автор письма арестован и три года просидел в тюрьме. В своем селе после тюрьмы, автор был заподозрен в продолжении противобольшевистской борьбы. Нависла угроза нового ареста. Стасаясь от него, автор бежал в середине 1928 года за границу.

ветским партизаном, тот в данное время непримиримый враг соввласти; конечно, не все, но та часть, которая наиболее популярна в массах. Вовлечь в круг своего действия эту часть красных партизанов, по моему, задача первостепенной важности, потому что и до сих пор гуща крестьянская в своих противобольшевистских выступлениях (на почве своих сельских вопросов), так сказать, равняется по ним, говоря: завоевали эту власть вы, так и разделяйтесь, как хотите. Это первое. Второе: бывшие партизаны всемерно используют свои заслуги; их прошлое может служить и служить барьером, за которым может легко скрываться антисоветская работа; в повседневной борьбе на той узкой полоске советской общности, которая существует в России, бывшим партизанам прощается многое, что даром бы не прошло для простого смертного.

...Настоятельно необходима посылка людей в Россию. Возникающие противобольшевистские группы гибнут, главным образом, от отсутствия руководства, нет у них идейного и тактического питания, и политическая эмиграция заслуживает полного обвинения за то, что это питание не дает.

Людей надо посылать в знакомые родные места, ибо для нелегальной работы легче всего человеку устроиться и освоиться в знакомых или родных местах.

...В организационном отношении действительной будет только ячейковая работа. Только при ней возможно обеспечить себя от грустных, печальных «провалов». Колеблющихся, неустойчивых в дело вводить невозможно до решительного момента, когда их можно использовать более плодотворно и без риска для организации.

...Свободного времени сейчас мало, но нужно и буду работать. Пишу на сенокосе, без элементарных условий — без стола. Наверное есть промахи, простите: сосредоточиться нет времени. Шлите парлитературу.

19 августа 1928 г.

3.

Свиток литературы получил. Часть брошюр отправил с одним из крестьян на хутора для ознакомления. По словам этого крестьянина, читавшие были согласны с прочитанным, но боятся «обмана». При окончании сенокоса пойду на хутор и установлю личную связь с этими крестьянами — постараюсь рассеять «обман»... Из присланной литературы остановлюсь кратко на политическом комментарии Милюкова в той части ее, где говорится о тактике*). Мне хочется сказать о «мирной борьбе», которая упоминается Милюковым и которую он, по моему, переоценивает в ее действительности. Конституция СССР совсем не отводит места «мирной борьбе», как это делается в парламентских странах. Конституция СССР, по моему, при диктатуре РКПартии является уступкой не народу, а международной обстановке. Крестьянин ничего не может высосать из этой конституции для мирной борьбы. Единственно, где он может выступить, и то с риском, это на земельном собрании. Я думаю, что мирная борьба крайне ничтожна, видимость, а не реальность, которую можно принимать в расчет при оценке соотношений сил.

Сентябрь 1928.

*) Речь идет, повидимому, о брошюре П. Н. Милюкова «Три платформы». Редакция.

Из печати.

«Критика» С. И. Гессена.

Начатый в предыдущем номере «Вестника» обзор печатного материала, содержащего критику программы «Крестьянской России»¹⁾ приходится пополнить заметкой, появившейся в журнале «Современные Записки» и принадлежащей перу С. И. Гессена²⁾.

Заметка эта настолько невелика, что ради удобства читательского и своего, мы можем привести ее полностью.

«Несмотря на весь свой против социализма направленный пафос, программа «Крестьянской России», повидимому, того не подозревая, повторяет в своей практической части основные требования новых социалистических аграрных программ, отличаясь от изложенной в них стройной системы двумя особенностями: 1) эклектизмом своих практических требований, механически соединяющих некоторые требования капитализма с некоторыми элементами социализма; 2) теоретическим бессилием определить тот принцип, на основе которого только и возможно снятие противоположности социализма и либерализма, чем и объясняется усвоение «Крестьянской Россией» самого худшего и отжившего в марксизме — его классовой точки зрения. «Крестьянская Россия» начинает с того, чем кончает не могущий еще расстаться со своей марксистской идеологией социалист. На в существование своем неклассовые, общедемократические требования, она налагает густой слой краски классового аграризма и это тогда, когда современные социалистические партии все более и более изживают свою первоначальную классовую точку зрения».

Вот и все. Вся «критика». И даже без единой ссылки на первоисточник, без единой цитаты в доказательство правильности выводов.

Будем поэтому кратко и мы в своем ответе.

Прежде всего — об антисоциалистическом пафосе, которым будто бы пропитана программа «К. Р.». Ни в «программе» издания 1928 года, ни в других изданиях «К. Р.» читатель не найдет *ничего*, чтобы подтвердило это мнение о «пафосе». Не имея достаточных оснований отнести этот вывод автора целиком за счет его незнакомства с литературой «К. Р.», сочтем это (как и многие другие) плодом полемиического задора³⁾.

Являясь программой партии, которая именуется «*трудовая* крестьянская партия» (а не аграрная, как ее рекомендует читателю С. И. Гессен), ставя во главу угла интересы *труда*, программа «К. Р.» естественно захватывает и ту сферу требований социальной политики, которые выдвинули и выдвигают социалистические и другие партии.

Если можно еще говорить о повторении программой «К. Р.» ряда требований, выставляемых социалистическими партиями в отделе рабочей политики, то уже абсолютно неверным является утверждение С. И. Гессена, что «К. Р.» повторяет в своей практической части основные требования «новых социалистических аграрных программ», делая это лишь не столь последовательно, эклектично и т. д.

Прежде всего, о каких «социалистических аграрных программах» и притом «новых» может идти речь? Если о тех трех аграрных программах, которые приняты австрийской социал-демокра-

тией (в 1925 году), германской (в 1927 году) и английской рабочей партией (в 1926 году), то, во-первых, называть аграрные программы социалистическими только потому, что они включены в общую программу социалистических партий — по меньшей мере неосновательно, а, во-вторых, переименовать в социалистическую партию старую не-социалистическую рабочую английскую партию, — уже совсем непозволительно.

В противовес мнению нашего критика утверждаем, что достаточно вчитаться внимательно в содержание *практической* части аграрных программ, которые он считает «новыми», чтобы выяснить с несомненностью два обстоятельства: 1) эти программные требования «новые» только для социалистических партий, будучи давно известными программами несоциалистических партий, откуда они и заимствованы, знаменуя тем самым провал доктрины аграрного социализма; и 2) «Крест. России» не приходится солидаризироваться или «повторять» этих основных требований — поскольку они неотделимы от общей партийной идеологии, от взгляда на роль и значение крестьянства и т. п.

А как формулируются эти взгляды, видно хотя бы по следующему абзацу программы австрийской социал-демократии: «между буржуазией с одной стороны и рабочим классом с другой стоят: мелкая буржуазия, мелкое крестьянство, свободные профессии. Им остается лишь выбор между превращением в свиту буржуазии или в союзника рабочего класса»⁴⁾.

Не будем останавливаться на том пункте, где говорится об «эклектизме», механически соединяющем некоторые элементы капитализма с некоторыми элементами социализма, ибо тут все ясно, напоминая известное: «в некотором царстве, в некотором государстве»...

Согласимся с замечанием о трудности операции по «снятию» противоположности социализма и либерализма». Эта операция еще не удалась никому даже из числа решительных хирургов, ибо всякий раз они оказываются бессильными перед простым, казалось бы, для них ответом на вопрос, что же кроется под термином «социализм».

Это случилось и с самим нашим критиком, при его попытках найти принцип по «снятию» противоположности».

Предложив новое (которое по счету?) наименование «правовой» социализм, объявив его «наследником интеллигентской традиции, продолжателем заветов Кондорсе, Милля, Жореса», признающим вновь (?) государство, хозяйство и право, дифференциацию общества на множество общественных слоев и частную собственность на землю и орудия производства», С. И. Гессен останавливается затем бессильным перед вопросом: «не отказывается ли *такой* социализм от «преображения общественного строя», т. е. от самого существа своего, теряя право и на название?»⁵⁾

В заключение, о «классовой точке зрения», которую, будто бы, усвоила «Крестьянская Россия», — тогда как это «самое худшее» и «отжившее» в марксизме и «современные социалистические партии все более и более *изживают* свою первоначальную классовую точку зрения».

Начать с того, что нет ни одной партии, имеющей себя социалистической, которая не стояла бы на классовой точке зрения, отличаясь друг от

¹⁾ «Социал. Вестник», № 19, 1926, стр. 13.

¹⁾ «Вестник Крестьянской России» № 1 — «Нашим критикам».

²⁾ См. «Современные Записки» № 36, стр. 491—92.

³⁾ Не можем, однако, не отметить, что С. И. Гессену известна программа «К. Р.» только как «программа, вышедшая в этом (1928) году». Ему неизвестно, следовательно, что «программа» имеет за собою более чем пятилетний период существования, в течение которого «К. Р.» издано достаточное количество материала по программным и иным вопросам (оборники «К. Р.», брошюры, журналы). Не ознакомившись с этим материалом, прежде чем выносить «приговор» о программе «К. Р.», по меньшей мере непозволительно.

⁵⁾ С. И. Гессен, стр. 490—491, «Современные Записки» № 36.

друга только лишь в оценке значения классовой борьбы и форм ее.

Что же касается утверждения, что даже в марксизме классовая точка зрения явление «отжившее», то вот что по этому поводу говорит сам современный марксизм: «крупная капиталистическая промышленность, как колыбель социализма; классовая борьба, как единственный путь к его осуществлению: класс пролетариата, наемных рабочих, как его исторический носитель; вне этой азбуки марксизма социализм превращается в бесплотную сентиментальную идею, в теорию, не открывающую никаких перспектив, а способную заводить своих адептов в политические тупики»¹). Даже программа австрийской социал-демократии, в которой наш критик пытается усмотреть некий, «новый социализм», твердо стоит на прежних позициях классовой борьбы, чем и вызвала такое восторженное одобрение социал-демократии, в том числе и русской.

О том, что принцип классовой борьбы не исчез из программы социалистических партий свидетельствует, впрочем, и сам наш критик (не замечая, повидимому, своего противоречия), когда излагает в той же книжке журнала содержание программы трех вышеупомянутых партий.

Он лишь полагает, что «все три программы проникнуты стремлением ввести классовую борьбу в правовые рамки». Это уже, конечно, вопрос иной. Хотя и тут оценка автором серьезности их «стремления» не оправдывается действительностью.

Так, например, самая умеренная (и по фразеологии и по существу) из трех программ — австрийская — отрицает возможность кооперации между классами, как базы для их сосуществования, ибо «кооперация между враждебными друг другу классами, будучи временами неизбежной, столь же неизбежно взрывается неустрашимыми в рамках капиталистического общества антагонизмами»²).

Если бы наш критик ознакомился с содержанием критикуемой им программы «Крестьянской России», то, надо думать, он не стал бы приписывать ей того, что на самом деле ей чуждо и враждебно, т. е. «классовой точки зрения» со все-

ми теми выводами, которые отсюда делает современный социализм.

Недоразумение, которое случилось тут с нашим критиком, объясняется тем, что он принял за «классовую точку зрения» констатирование факта классовой структуры современного общества и существования особого крестьянского класса, а следовательно и факта классовой борьбы, которая, по нашему мнению, может и должна смениться ростом классовой солидарности, особенно, когда определяющую роль в жизни народа начнет играть крестьянский класс.

Но ведь даже наш критик не отрицает факта классовой структуры, классовой борьбы и пр., как бы это ни было печально с точки зрения его социализма? Ведь ему же принадлежат следующие слова: «верно то, что подлинная функция государства искажается ныне и умалется классовой борьбой, прорастающей из экономических отношений. Последние бесспорно определяют собою государственное бытие» («Современные Записки», стр. 355, № 31).

Что же касается вопроса о согласовании классовых интересов (в данном случае крестьянства) с интересами общенациональными, то рекомендуем вниманию С. И. Гессена формулировку, которую дает он сам по этому поводу: «класс не перекидывается механически в отрицаемый им народ, а органически вырастает в народ по мере того как растет его удельный вес в народном хозяйстве и его ответственность перед судьбой национальной культуры».

Яснее эта мысль выражена в одной газетной статье, которая кстати оказалась у нас под руками и которой мы закончим наш отклик на заметку С. И. Гессена:

«Крестьянство — класс. Но коль скоро этот класс является костяком России и раз сельское хозяйство является основой всей российской экономики, а этого отрицать не станет никто, то совершенно очевидно, что интересы этого класса не могут не совпадать с национальными и государственными интересами России в целом»³).

А. А. А.

Из жизни организации „Крестьянская Россия“.

Фонд свободной печати для России при „Крестьянской России“.

Фонд при «Крестьянской России» был zaloжен в июле месяце с. г. после выхода предыдущего номера «Вестника Крестьянской России». При создании фонда и решении начать для него сборы имелось в виду, что и самый фонд, и сборы будут временными — до создания Фонда, как общего дела всех демократических кругов русской подписным листам, которые были выпущены в ноябре месяце с. г. ядра Центрального Комитета общедемократического Фонда, Центральным Комитетом «Крестьянской России» было отдано распоряжение сборы в Фонд при «Крестьянской России» прекратить.

Сборы производились почти исключительно по подписным листам, которые были выпущены в количестве шестидесяти трех (63) и почти исключи-

тельно силами «Крестьянской России». К моменту выпуска настоящего номера «Вестника» возвратилось только тридцать подписных листов (двадцать шесть со взносами и четыре пустых). Остальные тридцать три (33) листа еще находятся у сборщиков и сумма сборов по ним неизвестна. Полный отчет о собранных для Фонда при «Крестьянской России» денежных средствах дать по этому еще невозможно. Он будет опубликован в следующем номере нашего журнала. В порядке предварительном можно сообщить, что по двадцати шести возвращенным подписным листам, а также редкими пожертвованиями помимо листов, собрано восемь тысяч двести сорок пять чехословацких крон сорок геллеров (8.245,40 к. ч.).

¹) «Социалистический Вестник» № 2—3, 1928.

²) «Социалистический Вестник», № 19, 1928.

³) Р. Д. Рафапов. Мысли вслух. Гаа. «Русская Мысль», изд. в Шанхае. № 55.

Представительство „Крестьянской России“ за границей.

1. ПРАГА. По Центральному Комитету: *Андрей Александрович Аргунов* и *Сергей Семенович Маслов*. Tchécoslovaquie. Praha II., Jungmannova tř. 36/IV.
2. ПРАГА. По Пражской группе: *Дмитрий Павлович Никитин*. Tchécoslovaquie. Praha II., Jungmannova tř., 36/IV.
3. БРНО. *Борис Фирсович Клепиков*. Tchécoslovaquie. Brno. Dobrovského ul. č. 1. Restaurace «U Suchánků».
4. БРАТИСЛАВА. *Сергей Анатольевич Желдаков*. Tchécoslovaquie. Bratislava. Vajnorská cesta č. 6a.
5. УЖГОРОД. *Борис Васильевич Сedaков*. Tchécoslovaquie. Užhorod. Korjatovičovo nam. č. 31. «Oborot».
6. ПАРИЖ. *Николай Васильевич Малолетков*. France. Asnières. (Seine). 149, Quai d'Asnières.
7. БЕРЛИН. *Владимир Евгеньевич Татарин*. Deutschland. Berlin. W. 30. Eisenacherstr. 101. I. b/Jüllig.
8. ВАРШАВА. *Виктор Вениаминович Португолов*. Pologne. Warszawa. Pulawska 5. m. 7.
9. ЛЬВОВ. *Богдан Федорович Грабец*. Pologne. Lwów. Plac Bilczewskiego. 3. «Dnistrosian».
10. РИГА. *Борис Викторович Евланов*. Lethonie. Riga. Kurmanova. 22.
11. РЕВЕЛЬ. *Петр Александрович Богданов*. Esthonie. Tallin-Kopli. Vene-Balti tehas. m. 54. k. 7.
12. БЕЛГРАД. *Гавриил Иванович Царик*. Jugoslavie. Belgrad. Zorina ul. 64/66. u dvorištu na spratu.
13. СУВОТИЦА. *Владимир Диомидович Шевчук*. Jugoslavie. Subotica. Majšanskij put. Ruska buda.
14. ОСИЕК. *Иван Тарасович Криворучко*. Jugoslavie. Osijek. I. Kolodvorska restoracija.
15. ЗАГРЕБ. *Павел Прокофьевич Гречко*. Jugoslavie. Zagreb. Voškovičeva ul. Kt. Ekon. Komer. Akademia.

Дополнительный список представителей (на Дальнем Востоке, С. А. С. III., Чехословакии, Югославии и т. д.) будет опубликован в следующем номере «Вестника Крестьянской России».

† Л. П. Зацкой.

Умер Леонид Петрович Зацкой. Один из самых старых членов «Крестьянской России» по времени вступления в организацию в один из самых молодых, не только и не столько по возрасту, сколько по духу.

Л. П. Зацкой родился в 1900 г. в Порхове (Псковск. губ.). В 1923 г. выехал за границу и в

1924 г. прибыл в Прагу для продолжения образования на Русском Юридическом Факультете. Вскоре по приезде вступил в Пражскую группу «Крестьянской России». С тех пор Л. П. трудно было представить вне «Крестьянской России» и без нее.

Преданный член организации — он принадлежал к тому ядру группы, из которого выходят работники, тянущие тягло будничной партийной работы, полный жизненной энергии он всю свою жизнелюбность отдавал среде партийных товарищей. Трудно представить, что человек столь живой и веселый все эти годы жил обреченным близкой смерти.

Весною 1928 г. Л. П. прекрасно закончил полукурсовые экзамены и осенью должен был приступить к государственному. Но болезнь не позволила ему вступить в новый период жизни. С сильно пошатнувшимся здоровьем он уехал в Голландию, в Лейден, где жили его близкие, лечиться. Но и в последние месяцы своей жизни он продолжал работать для «Крестьянской России», собирая средства на фонд Свободной Печати для России.

Быстро прогрессирующая болезнь не поддавалась самым энергичным мерам лечения, и 13-го октября Л. П. Зацкой скончался. Н. А.

От Центрального Бюро Республиканско - Демократического Союза.

Вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующими Союз сторонами, — Крестьянской Россией с одной стороны и Республиканско-Демократической группой Партии Народной Свободы с другой, Центральное Бюро Союза в заседании 19 ноября 1928 г. постановило: считать Союз с 1 января 1929 года прекратившим свое существование.

Члены Центрального Бюро Союза:

Представители Республиканско-Демократической Группы Партии Народной Свободы: *Б. А. Евреинов, П. Н. Милоков, В. А. Харламов.*

Представители «Крестьянской России — Трудовой Крестьянской Партии»: *А. А. Аргунов, А. Л. Вем, С. С. Маслов.*

Книжные магазины, в которых „ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ“ имеется в продаже:

1. Париж, Я. Поволоцкий, 13, rue Bonaparte. — 2. София, кн. маг. «Слога», ул. Левски 14а. — 3. Варшава, издательство «Nasze Dzieło» Marszałkowska 68, m. 4. — 4. Загреб, Ctrilometodska Knjižarna i Papirnicko D. D. Preradovičev trh 4. — 5. Белград, кн. маг. «Ruska Misao», Stiska, 8. — 6. Прага, кн. маг. «Пламя», Praha II, Ječná 32.